18+

Светлана Гребенникова

МЕРЦАНИЕ ЗЕРКАЛ СТАРИННЫХ

Я рождена, чтобы стать свободной

Светлана Гребенникова

Мерцание зеркал старинных. Я рождена, чтобы стать свободной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66736762
ISBN 9785005566287

Аннотация

Почти триста лет спустя призрак Наташи поселился в доме той, кто является ее продолжением, той, в чье тело вселилась ее душа, и рассказал свою историю в надежде, что восторжествует истина. Наташа указывала на свои портреты и просила сорвать маски с тех, кто убил ее и воспользовался ее именем после смерти.Наташа считает, что срока давности у преступления, которое совершено над ней, нет! И просит, чтобы ее последовательница, ее отражение в этом мире, раскрыла все секреты.

Содержание

Глава 207. Жизнь после свадьбы 5
Глава 208. С ног на голову… 14
Глава 209. Софийка 30
Глава 210. Коварный замысел осуществился 37
Глава 211. Плоды «страстной любви» 47
Глава 212. Заклятые родственники 58
Глава 213. Незадавшийся день 68
Глава 214. Она ушла, чтобы однажды вернуться… 79
Глава 215. «Помощь» в пути… 92
Глава 216. Меланья 100
Глава 217. Неудачная шутка 113
Глава 218. «Лучшие подруги» 122
Глава 219. Награда… 132
Конец ознакомительного фрагмента. 139

Мерцание зеркал старинных
Я рождена, чтобы стать свободной

Светлана Гребенникова

Книга создана при содействии медиума, говорящей с призраками – Марианны Нафисату

Автор не претендует на историческую достоверность и все совпадения с историческими фактами – считать случайными.

© Светлана Гребенникова, 2021

ISBN 978-5-0055-6628-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 207. Жизнь после свадьбы

Весь следующий месяц мы с Федором приятно проводили время, принимали гостей у себя и наносили ответные визиты. Это составляло часть свадебного ритуала.

Папа с Дарьей Леонидовной отбыли в наше дальнее имение и намеревались оставаться там до весны.

Мы несколько раз побывали в гостях у графа в Гатчине, где он поселился с молодой женой. В доме на Мойке пока оставалась Катя Серебрянская, и отец почел за лучшее с ней не встречаться. Оказалось, что к своей жене Катеньке граф питает глубокое искреннее чувство. Орлов был влюблен как мальчишка, кутежи и чудачества остались в прошлом, он почти отошел от дел и полностью посвятил себя семейной жизни.

В конце февраля граф с молодой женой отбыл за границу. Им владела навязчивая идея произвести на свет наследника.

Однажды мне приснилась Наденька… Я смутно помнила сон. В сознании отпечаталось одно: Надя всё время спрашивала об отце. Я рассказала об этом Федору, и мы с ним решили навестить чету Желтухиных. Тогда я еще не знала, какая печальная участь постигла всю Наденькину семью…

По дороге в их имение я вспомнила, как на торжестве Василий Степанович поздравлял нас, пожимая мне руку. Он

смотрел на меня улыбаясь, а в глазах была боль, и я поняла, что ужас, царивший в его душе со дня кончины дочери, после похорон не развеялся и он по сей день продолжает жить в этом кошмаре. И мне очень захотелось увидеть и его, и матушку Нади, поговорить с ними, вспомнить их дочь, как-то поддержать…

Когда мы подъезжали к поместью, я заметила, что на воротах и доме другие гербы. Лакей отворил и осведомился о цели нашего приезда. Я назвала свое имя, и нас пропустили. Оглядев особняк, я отметила, что он претерпел некоторые изменения.

Я вошла в дом, а Федор остался в карете. Сняв перчатки, я присела на диван и стала с волнением ожидать хозяев. Ко мне вышла элегантно одетая моложавая дама и, присев напротив, приятным голосом спросила:

– Чему обязана счастьем лицезреть вас, Наталья Дмитриевна? Наслышана о вашем торжестве и хотела бы, пользуясь случаем, поздравить вас лично. Позвольте представиться: Мария Львовна Беклешова.

– Благодарю и принимаю ваши поздравления. Но могу ли я видеть Василия Степановича и Прасковью Ивановну Желтухиных?

– Так вы ничего не знаете?

Я слегка развела руками:

– Простите, не понимаю, о чём вы…

– О! Милая барышня, это грустная история… Имение

им пришлось продать, и его новые владельцы – наша семья. Естественно, мы сменили гербы и на доме, и на воротах, что, наверное, могло помешать вам отыскать эту усадьбу.

На душе стало совсем тяжело, я вздохнула:

– Право, никакие опознавательные знаки не смогли бы сбить меня с пути. Этот дом я обязательно нашла бы даже в кромешной тьме. Но, может быть, вы расскажете подробнее, что приключилось с бывшими хозяевами этой усадьбы?

Дама вздохнула.

– Там очень грустная история произошла… с их дочерью…

– Да, о смерти Наденьки я осведомлена… Меня интересует, что случилось потом. Я видела Василия Степановича на своей свадьбе и даже имела короткий разговор с ним, но он ни словом не обмолвился о переезде.

– Месяц назад Василий Степанович продал имение, это произошло сразу после того, как он похоронил супругу.

– Как? Прасковья Ивановна скончалась?

– Да милая, но не по Божьей воле, а по собственному соизволению.

Я в ужасе прикрыла рот ладошкой, дабы наружу не вырвался крик: «Бедная… бедная Прасковья Ивановна, она так и не смогла пережить утрату своей драгоценной дочери. Ее собственная жизнь обесценилась и, видимо, посчитав, что коптить небо больше незачем, она ушла…»

– А Василий Степанович стал излишне усердно прикла-

дываться к рюмке, поигрывать, да так и влез в долги. И ему пришлось распродать бóльшую часть имущества, в том числе и знакомое вам имение. Я слышала, он отбыл в деревню, где когда-то жили его родители.

Я встала, поблагодарила даму за рассказ и покинула это печальное место. Вернувшись домой, я весь вечер печалилась по Наденьке. «Надин исполнила свое обещание. Как интересно: она являлась мне во снах, и это всегда совпадало с теми или иными ее предсказаниями…»

Более ничего примечательного о том времени я сказать не могу: оно не было отмечено какими-либо знаковыми событиями, которые достойны привлечь чье-то внимание.

Была уже середина марта. Федор не ошибся: я действительно находилась в положении, и в конце сентября мы ожидали пополнения в семействе. Будущий папаша был несказанно рад и гордо оповещал всех, что у нас непременно будет сын – наследник. Я улыбалась, отмечая про себя: «Что, интересно, ему от тебя наследовать?» – но вслух ничего не говорила. Странным образом я очень изменилась: характер мой стал более мягким, покладистым, и я уже практически не вступала с ним в споры.

Как только мне объявили, что я жду ребенка, пускаться в отчаянные приключения сразу расхотелось. До этого момента у меня еще было желание встретиться с Петром, но я никак не могла найти адреса, чтобы написать ему. Дважды

я наносила визиты в салон к Настасье, но она сказала, что поэт у нее больше не появлялся, исчез, и след его простыл… Еще какое-то время я ждала от него письма, но потихоньку всё это стало отходить на второй план. Мысли мои теперь занимало лишь дитя, которое я носила под сердцем.

Федор ежедневно ходил на службу и часто бахвалился, что не за горами то время, когда он займет подобающий ему пост.

Свекор мой после свадьбы уехал в деревню, а свекровь осталась жить в нашем доме. Она основательно обжила свою комнату: там создавалось впечатление, что ты перенеслась в деревню, из которой она приехала.

За это время у нас случились два важных разговора. Один, неприятный, в самом начале – мы ругались и доказывали друг другу, кто прав. Мать восклицала, что я никогда не буду достойна ее сына, а я ехидничала: «Пускай ваш сын спасибо скажет, что я ему досталась. С его-то происхождением не в барских хоромах ему суждено было жить. А уж после того, что он содеял, ваш сынок не правой рукой его светлости должен быть, а в каталажке сидеть». Фекла, не найдя, что ответить, обозвала меня избалованной фифой и грозилась, забрав сына, отбыть восвояси. Только что-то медлила с отъездом, и мне смешно было смотреть на ее кривляния. Больше мы почти не разговаривали. Но как только стало известно, что я беременна, она тут же поменяла тактику. Улучив мо-

мент, когда Федора не было дома, она попыталась наладить отношения: выдавив скупую слезу, назвала меня дочкой.

– Вот шо я тоби кажу, дочка. Ради свого сына и будущего внука я готова забыть, як мы ругалися. И остануся з вами: кто ж окромя мене унучка понянчить? Федор Иванович и без меня там управится, чай, не маленький. Ну шо, мир?

Мать протянула мне руку. Вздохнув, я согласилась.

– Фекла Федоровна, могли бы вы после нашего примирения выполнить одну мою просьбу?

– Яку? Говори.

– Я знаю, что вы можете говорить по-русски правильно. Не ради меня, а для Феди прошу это делать. В наш дом будут приезжать важные гости, а вы своими, простите, корявыми фразами выдаете его происхождение. Он теперь не Цейкул, запомните это, а Фридрих Буксгевден, знатный вельможа. Ну не может у такого важного господина мать «балакать».

Выслушав меня, Фекла кивнула.

– Хотя и противно мне то, что он от родной крови отказался, но, ежели по-другому нельзя… будь по-вашему. Умею я говорить, верно. Думаешь, вовсе дремучая твоя свекровь? Ошибаесся, деточка. Я хоть и с южных краев, но дочь зажиточного купца, и батюшка ничего для меня не жалел: в городе я обучалась, прежде чем за Федькиного отца выйти. Так что не боись, перед вашими важными гостями не оплошаю. А шо ридну мову не забула, так отож и не плохо. Каждый корни свои помнить должон. Вот и я, живя на севере и раз-

говаривая по-нашему, грела душу родными словами. Когда рожать-то тебе? – спросила мать без перехода, тем самым давая понять, что разговор на предыдущую тему завершен.

«Да, – усмехнулась я про себя, – недооценивала я тебя, бабушка. Не так ты скудна, как мне сперва показалось».

– В конце сентября.

– Позабочусь о тебе, не сомневайся. Я, знаешь, своей бабкой знахарским наукам обучена, многим в нашей деревне помогла. И травы знаю, и роды принимала. Люди меня ценят и уважают. А то, что ты внучка ждешь…

Я улыбнулась:

– А если внучка будет?

– Та и нехай будеть, – она вопросительно взглянула на меня, словно ждала, одерну я ее или нет; я промолчала. – Пусть будет, девки что, не человеки? Хоть понянчусь. От Федьки колы мальчонка родився, я знаешь, какая радыя была? Так Фроська-паразитка и близко меня к ему не подпустила! Сказывала: «Нехай женится, тоди и внука получите». А на что она ему сдалася? Старше на сколь годов, да и сын мой тоди в столицу собрался… Вот Фроська у разбитой крынки и осталася. А яка гордячка була… хвист задрала да побигла. А Бог – вин не Тимошка, бачить трошки, неча ей вредничать було.

Видя, что я скривила губы, свекровь усмехнулась:

– Ежели наперед у меня какое слово вылетит, так ты не серчай и не кривись, вмиг не переделаешься…

Я порой не знала, куда деться от неожиданной заботы свекрови. Она замучила меня «дельными» советами и буквально преследовала. Спасение я находила только в своей комнате.

Папенька вернулся домой, а Дарья Леонидовна так никуда и не уехала, продолжая оставаться подле него. Жили они в разных комнатах, но между ними были какие-то особенные, свойские отношения, и мне так и не удалось выяснить, насколько романтического толка. Казалось, что между ними крепкая дружба: парочка постоянно желала находиться в обществе друг друга.

Так проходили мои дни, один за другим. Живот рос, делая меня слегка неуклюжей. Я постоянно хотела есть и спать.

Федор был ласков со мной. Его излишняя забота слегка раздражала меня вначале, но потом я привыкла и уже не обращала на это особого внимания: «Пусть заботятся, коли им так нравится».

Я стала превращаться в какую-то квохчущую наседку, которая постоянно что-то сооружает и меняет в своей комнате и в доме. Мне хотелось достичь какого-то непонятного особенного уюта, которого я всё никак не могла добиться. Я меняла то одни детали интерьера, то другие, прикидывала, где будут расставлены забавные детские вещицы, которые придут в нашу жизнь с рождением ребенка. И в этой неспешной,

приятной для меня суете текли дни.

Глава 208. С ног на голову…

Кухарки старались мне угодить, ежедневно готовя самые любимые мною блюда, и к середине сентября я стала походить на колобок. Домашние и в шутку, и всерьез советовали:

– Наташка, ты когда с лестницы спускаться будешь, девку позвать не забудь, а то, не дай Бог, укатишься… Где мы тебя потом ловить станем?

Я не обижалась, удивляясь сама себе. Будущее материнство благотворно повлияло на меня, сделав мой характер достаточно покладистым.

До родов оставалось совсем немного, когда произошли события, перевернувшие и мою жизнь, и жизнь всего моего окружения. Нарушилось спокойное бытие Лигова, которое было погружено в радостное ожидание рождения нашего с Федором ребенка.

После ужина в тот день все обитатели дома разбрелась по своим комнатам. А я пошла прогуляться по парку в сопровождении служанки. Лето было на удивление жарким и засушливым, так что уже в начале сентября не напитавшиеся влагой деревья вовсю сбрасывали листву. Я медленно шла, поддевая носками туфель желто-бордовые листья. На меня вновь нахлынула меланхолия. Сколько себя помню, желтый ковер листьев всегда приводил меня в странное,

необъяснимо волнительное состояние души… Зябко передернув плечами, я поняла, что замерзла, и поспешила в дом. На небе сгущались тучи, вот-вот должен был пойти холодный осенний дождь.

Служанка помогла мне раздеться, я отпустила ее. И тут услышала чей-то приглушенный разговор. До меня доносились обрывки фраз, смех… Прислушиваясь, я прошла вглубь дома, но никого не увидела ни на кухне, ни в гостиной. Всё стихло. Покрутив в недоумении головой, я решила вернуться к себе. Поднимаясь по лестнице, вновь услышала голоса и женский смех. Я узнала его и остановилась, прислушиваясь. Распознать второй голос я никак не могла, потому как говорил он шепотом, явно не желая быть узнанным.

Там внизу было четыре хозяйственные комнаты, вереницей, одна за другой. Именно оттуда раздавались голоса и смех. Какое-то время я еще стояла на ступеньках, прислушиваясь, но разобрать слов, которые шептал мужчина, так и не сумела. Зато женщина разошлась вовсю, и ее смех громким колокольчиком звенел в тишине дома. Ужас сковал мое сердце, мерзкая догадка вползла в него, точно змея, и больно ужалила… Ни минуты не мешкая, я спустилась вниз и тихонько потянула на себя дверь. Она раскрылась, раскрылись и мои глаза… Слова застряли в горле. В комнате был полумрак, и парочка в темноте казалась единым двухголовым существом. Я кашлянула, и они замерли. Первой очнулась женщина, которая, увидев меня, только и смогла, что в ужасе

поднести ладонь к губам:

– Бог мой, Наташа… Как давно ты тут стоишь? И что здесь делаешь? Ты шпионишь за мной?

Я не удостоила ее ответом и обратилась к своему мужу, который отдернул руки от талии Дарьи Леонидовны и виновато убрал их за спину. Презрительно скривив губы, я спросила:

– Ты-то что здесь делаешь, пес шелудивый?! Мерзавец! У меня нет слов, чтобы дать оценку тому, что я вижу! Как ты посмел?! Или это твоя изощренная месть?! Ты так ненавидишь моего отца, что решил подобным гнусным образом с ним поквитаться?

Федор открыл было рот, но я резко подняла руку:

– Ни слова! Это вопрос риторический. К чему спрашивать о том, что и так очевидно.

Я приблизилась к той, которая еще недавно так рьяно заботилась о здоровье папеньки, что пренебрегла и заграничной жизнью, и гостеприимством родных.

– А вы! – я скривила губы в презрительной ухмылке, – любезнейшая… Ха! Ну что же вы так смотрите на меня? Двуличная дрянь! Или вам совсем не жалко моего отца? Как вы могли так обидеть его?

Она пришла в себя и, горделиво подняв голову, сказала:

– Ну, ну, ну… девочка, не делай скоропалительных выводов! И, пожалуйста, удержи свой язык от лишних слов, а голову – от ненужных мыслей. Что ты себе напридумывала?

Ничего не было! Мы просто мило беседовали.

– Где?! В темном чулане? – усмехнулась я. – Больше в нашем доме побеседовать негде?

– Ну… я решила посмотреть, что здесь за комнаты, а Федор шел мимо… и любезно согласился удовлетворить мое любопытство. Мы разговорились… Он рассказал какую-то непристойную шутку, чем и вызвал мой громкий смех.

Федор, как нашкодивший пес, стоял и молчал, переминаясь с ноги на ногу.

– И то правда, повеселиться-то у нас больше негде! И поэтому вы прячетесь как воры здесь, под лестницей, чтобы никто не увидел… И как, удовлетворил?

Она густо покраснела.

– Прости, не поняла? Что?

– Любопытство ваше он удовлетворил? – Я повысила голос. – Где сейчас мой отец?

– Дмитрий Валерьянович в своих покоях, – ответила Дарья Леонидовна, – спит. Он немного устал.

– Ах, он спит?! Так я пойду сейчас и разбужу его да поведаю, кого он приютил, какую змею пригрел на груди!

– Наташа, – Федор двинулся в мою сторону.

– Не подходи! – почти крикнула я, теряя терпение.

– Да ничего не было! – буркнул Федор. – Мы просто…

– Да у тебя всё просто! Вы живете в доме у человека и у него же под носом творите свои гнусные делишки!

Тут я почувствовала неприятную тянущую боль. Живот

стал словно каменный… Согнувшись пополам, я громко застонала. Федор, испугавшись, бросился ко мне.

– Наташа, ну что ты так нервничаешь? Ведь не было же ничего! Клянусь Богом, не было! Ну что вы стоите, Дарья Леонидовна, скажите ей! Скажите же ей, что она…

Она тоже подбежала ко мне и испуганно засуетилась.

– Наташа, ты дыши, дыши глубже, сейчас мы тебе поможем!

Я собралась с силами и резко отстранила ее.

– Не прикасайтесь ко мне! Не прика-а-асай-тесь, а-а-а… – кричала я, корчась от боли.

Наткнувшись на мой ненавидящий взгляд, Дарья Леонидовна отпрянула. Я зло зашептала:

– Мерзавцы! Как давно у вас это продолжается?! А-а-а-а… Позовите кого-нибудь, чтобы меня отвели к отцу, я хочу быть рядом с ним – не с вами! Не с вами!

Они подхватили меня под руки и отвели в комнату, а я была уже не в силах сопротивляться. Внутри болело так, что, казалось, меня сейчас разорвет на куски. Я легла и приказала послать за повитухой.

Через час она явилась и, спешно оглядев меня, сообщила, что я рожаю – несколько раньше, чем следовало. До назначенного срока оставалось две недели. Вокруг засуетились служанки. Повитуха спокойно и толково отдавала распоряжения.

Корчась от боли, я допытывалась:

– Что? Что-то не в порядке? Почему так рано?! Что-то неладно с ребенком?

Старуха присела около меня и заботливо погладила по голове:

– Успокойтесь, голубушка, на все воля Господа. Один он знает, когда и кому срок пришел на этот свет явиться. Дышите глубоко и старайтесь делать только то, что вам говорят.

Федор бестолково топтался возле кровати. Повитуха прикрикнула:

– Папаша, покиньте комнату, вы мешаете.

– А-а-а-а, – кричала я в это время, корчась от боли, – позовите ко мне папу, я хочу, чтобы он был рядом! – Мне казалось, что нас с ним предали и что, если мы сейчас объединимся, нам будет легче перенести произошедшее.

У меня начались роды, и протекали они тяжело. Я никак не могла поймать правильный ритм дыхания. Мне всё время хотелось вскочить с кровати и ходить, ходить… Хотелось выйти из комнаты на улицу, на воздух. И чтобы меня никто не трогал, не хватал за руки… чтобы ко мне никто не прикасался, не ограничивал движений, перемещений по моему собственному дому. Но чьи-то руки везде ловили меня и укладывали обратно в кровать. На лоб то и дело клали мокрый компресс, и все как заведенные повторяли:

– Дыши, дыши глубже! Спокойно, голубушка, дыши.

Так прошло, наверное, часа два. Боли уже почти не пре-

кращались.

– Ну всё, деточка, скоро разрешишься. Да ляг ты наконец, окаянная! – прикрикнула на меня повитуха. Милая моя, ну же! Ты должна постараться. Ребеночек-то у тебя совсем слабенький… Выживет ли?.. Только один Бог и ведает. Ты постарайся помочь ему, деточка, постарайся, милая. Давай, тужься, тужься как можно сильнее! Ты должна дитя очень быстро из себя вытолкать, иначе ему не хватит силенок, чтобы задышать!

И эти слова как будто вползли в мою голову и стали разъедать ее изнутри. Я только и слышала, что должна сильнее тужиться, чтобы у ребенка было время и возможность научиться дышать. И я сделала то, что мне говорили. Я вытужила эту девочку… и услышала ее тоненький писк. Криком назвать это было сложно. Но самое главное – она была живая!

Немного придя в себя, я попросила:

– Дайте мне ее!

Но девочку уже помыли, и, проигнорировав мою просьбу, повитуха твердо ответила:

– Ребенок, деточка, слаб очень! Да и ты ослабла, крови много потеряла…

Я не понимала смысла того, что мне пытаются сказать, и слезно просила, почти умоляла:

– Дайте же мне посмотреть на мою дочь, я хочу подержать ее…

Но девочку унесли. Я попыталась встать, но меня опять уложили в кровать, обложили всякими компрессами и оставили с девушкой, которая должна была следить за моим состоянием. Я время от времени проваливалась в полусон-полуобморок и бредила, что хочу видеть свою Софийку, требовала, чтобы мне принесли мою доченьку. Потом я снова открывала глаза и приходила в себя.

– Где Федор? Почему он не со мной? Позовите его!

Но как только он приходил, я вновь впадала в бессознательное состояние, и девушка потом рассказывала, что я опять просила вернуть ребенка.

Так продолжалось больше недели. Я никак не могла выправиться – всё время находилась на грани жизни и смерти и то и дело теряла сознание из-за сильной потери крови. Приходя в себя, я видела каких-то докторов. Меня всё время пичкали отварами и пилюлями. Потом, когда стало немного легче, один из врачей завел со мной разговор.

– Наталья Дмитриевна, – спросил он, присев на стул возле моей кровати, – вы расскажете мне, что предшествовало родам? Что с вами приключилось?! Вы что-то съели? Или выпили? Может, подняли тяжелое? Я должен знать… Ведь ваша беременность протекала удовлетворительно, и не было совершенно никаких предпосылок…

Я откинулась на подушки и покачала головой.

– Нет, доктор, ничего особенного я отметить не могу.

Как я могла сказать постороннему человеку, пусть да-

же и врачу, о настолько грязном, нестираном белье?.. Мне не обидно было за себя и плевать на Федора, но больно за папу, ведь он так нежно и по-особенному относился к этой женщине.

Я соврала лекарю что-то невразумительное, первое, что пришло на ум, и отправила его восвояси. Своими расспросами этот врач вновь разбудил во мне все сомнения и воспоминания, которые вызвали преждевременные роды, и я решила во что бы то ни стало в этом разобраться.

Оставшись одна, я попыталась встать с кровати, дабы направиться на поиски мужа. Но сильное головокружение не позволило мне этого сделать, и я обессиленно рухнула на подушки. Я подумала, что нужно съесть что-то горячее, чтобы прибавилось сил. Тогда мне удастся прояснить пакостную ситуацию. Но пока я распоряжалась об обеде, в голову пришла толковая мысль: «Аня! Конечно! Я должна была попросить ее сразу. Уж она бы из-за своей природной нелюбви к моему мужу не побрезговала за ними последить, подслушать их разговоры и всё как на духу мне потом выложить!» Я послала за Аней, и она не замедлила явиться.

– Барышня, какая я радая за вас! Матушка вы теперича.

Я махнула рукой, указывая на стул.

– Аня, про это после. Ты садись поближе, у меня к тебе деликатная просьба.

– Что случилося? – спросила она испуганно, видя мое

взволнованное лицо.

– Да ты не бойся, садись! И послушай, что я тебе скажу.

Она села и вся превратилась в слух. Тяжело вздохнув, я поведала ей, как застукала Федора и треклятую Дарью Леонидовну. Анька, выслушав, всплеснула руками и забубнила:

– Ах ты, фря заморская, кляча старая! Вы тока гляньте: на молодого позарилась. А я ведь с самого начала сказывала – подлюка твой Федька. Говорила, что от него одни беды приключаться будут.

– Да замолчи ты, говорила она… Вот о чем я хочу тебя попросить, Аня: пока я тут валяюсь, в моем доме могут происходить всякие мерзости…

– Ну да, барышня, – скептически вздохнула Аня, – в которых вы участия не принимаете. Как обидно-то, как обидно…

– Ты свой юмор деревенский при себе оставь! Я с тобой не просто так посплетничать решила, серьезный разговор веду. Прекрати ерничать, или я сейчас же велю тебя высечь! – я начинала злиться. – Послушай, что скажу. Ты должна проследить…

– За кем? За Федькой?!

– Нет, Анюта! За ним следить бесполезно: он сразу заметит и башку твою дурацкую от тела несуразного оторвет.

– Чего это она у меня дурацкая? – обиженно пробубнила Анька.

– Ань, не бубни. Ты за ней последи, это куда проще будет. Она, курица, даже представить не способна, что я могу

замыслить… Будет думать, что, находясь в таком неудобном для себя состоянии, я не сумею им помешать, и это станет ее роковой ошибкой! Проследи аккуратно, чтобы никто ничего не заподозрил… Сегодня вечером придешь и мне в подробностях всё доложишь. Что, где и как происходит. А я тут буду пока лежать и свое болезное состояние лелеять. И с нетерпением ждать твоего визита и новостей, которые ты принесешь. Всё поняла?

– Да поняла я, барышня. Как не понять-то… Так я побегу?

Я ее отпустила.

Чувствовала я себя уже лучше. Злость на эту парочку придала мне сил.

Мне принесли горячей еды и много всяких фруктов. Отодвинув тарелку, я спросила:

– Где моя дочь? Почему ее не несут?

– Помилуйте, барышня! Вы же едва в себя пришли… Да и крошка ваша очень слаба еще. К ней доктор за доктором приходят, один другого сменяет. Не велели ее лекаря пока никуда выносить. Она, барышня, как рыбка, из воды вынутая, в чём только душа теплится. Все там по очереди дежурят, слушают – дышит ли. Кормилицу ей нашли… Но, кажись, вот сегодня и вам чуть лучше, и ей полегчало, вроде как на поправку пошла дочка-то ваша. Видать, жить будет. Доктора сказывают – цепляется она за жизнь! Потерпите хучь до завтрева. Нынче доктор опять не велел никому приходить, да и вы, может, покрепче станете. Вы поешьте –

вон, истощали вся!

– Ну хорошо! – согласилась я.

Странно: видно, не проснулся еще мой материнский инстинкт. Наверное, я должна была бы если не пойти, то поползти к дочери, но я этого не сделала. И подумала о том, что, если ей суждено уйти от меня, если эта девочка нежизнеспособна, то лучше мне ее не видеть и не рвать себе душу. Я сама едва не отправилась на тот свет, и не было у меня пока никаких сил испытывать новые потрясения.

Ани долго не было, и я уже подумала, что она не придет сегодня, но в десятом часу она всё же явилась. Без стука отворила дверь, тихо просунула голову, убедилась, что никого нет, быстро прошла и села прямо на пол возле кровати.

– Барышня, я сделала всё как вы просили, – и умолкла.

Я не выдержала:

– Что же ты молчишь? Не томи! Отвечай, что видела?!

– Всё как на духу расскажу, ничего таить не стану. Только об одном вас спрошу: барышня моя, слабы вы еще… Может, не тот момент, чтобы вам слушать всякие мерзости?

– Нет, Аня! Как раз тот! Я прошу тебя – рассказывай!

И Аня поведала мне о том, что делал Федька, пока я валялась в беспамятстве и не могла пошевелиться.

– Спальницу вашу новую я в углу зажала да пригрозила: коли не скажет всё как есть, добьюсь, что ее на конюшни сошлют. Так она, испужавшись, всё мне и выложила. Девка

она сметливая и всё подмечает. Чего греха таить: судачат они про господ меж собою, всё знают. Три раза в день муженек ваш брал приготовленное для вас питье, лекарства и еду, что вам готовили, сам приносил, здеся ставил, целовал вас в лоб и быстрехонько уматывал, пожелав вам скорейшего выздоровления. А к ребятенку вашему он часто ходит, его в любое время пускают, когда ему только заблагорассудится.

Дмитрий Валерьянович часами просиживал подле вас, когда вы были в беспамятстве, и тож занемог от того, что видел, как вам плохо. А где-то после пяти часов, когда подавали чай, все разбредались по своим комнатам, чтобы отдохнуть, и папенька ваш удалялся к себе. Так вот, – с негодованием говорила Аня, – тогда-то в доме и начиналась сокрытая от всех греховная жизнь, которую вели ваш Федор и, прости, Господи, избранница вашего папеньки, Дарья Леонидовна…

Аня поведала, что встречались греховодники в овальной зале и на виду у всех якобы затевали беседу о чем-то обыденном… В течение часа-двух прикидывались, чтобы поглядеть, не выйдет ли кто случайно в центральные комнаты и не сможет ли заметить нечистоту их намерений. Потом дама удалялась, а Федор заходил на кухню за крепкими напитками, и встречались они уже тайно – в северном крыле: закрывались вдвоем в комнате, где когда-то ночевала Надин.

– Из комнаты той смешки доносились да вольные речи, это я сегодня сама слышала. Ранее мне об том девка говорила… ох, любопытная! Она вроде бы следила за ими, но кля-

лася мне, что ненароком всё видела да слышала. Ох, барышня моя, три часа я под дверью-то слушала. И всё, что из-за двери слышно было, говорило о том, что предаются они там самым нечестивым делам. Барышня, врать не буду, глазами не видела, но ушами всё слышала. Всю правду говорю, греховодничают они, сволочи!

– Так… – задумчиво произнесла я, уставившись в одну точку. Ты сейчас оттуда пришла?

– Да, барышня, как только надоело мне их охи-вздохи слушать, так я сразу к вам побежала…

– Дура ты! – со злости крикнула я.

– Почему же? – оторопела Анька.

– И не спрашивай меня, почему! – в сердцах бросила я. – Дура, и всё! Надо было дождаться и посмотреть, куда они направятся и чем их день окончится.

Тут дверь распахнулась, и в комнату зашел Федор. На лице его играла улыбка, а щёки были окрашены румянцем. Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, чем он недавно занимался: несколько прядей его челки прилипли ко лбу, а глаза с поволокой и заметно вздымающаяся грудь выдавали недавнее участие в любовных игрищах.

Он подошел к кровати и, нарочито беспокойно трогая мой лоб, спросил:

– Как ты себя чувствуешь, Наташа? Я смотрю, ты уже пришла в себя, и лоб твой холоден.

– Конечно! Он заледенел от таких потрясений.

– Ты о чем, душа моя? – и он зыркнул на Аньку.

Она тут же откланялась и выскочила, ее как ветром сдуло.

– Помоги-ка встать, Феденька.

Он протянул мне руку, и она была влажной и горячей. Еще не успела остыть после недавних волнений.

– Федь… А почему у тебя руки влажные?

– Да я, Наташа… боялся опоздать, спешил к тебе. Хотел пожелать спокойной ночи, торопился, пока не заснула, вот и преодолел лестничный пролет на одном дыхании.

Врал он, как ему казалось, умело. Видя его довольное лицо, я усмехнулась и ничего не ответила, а потом потихонечку поднялась с кровати.

– Федя, отведи меня к нашей дочери. Я хочу ее увидеть! И пусть никто, слышишь, никто не преграждает мне дорогу! Я уже могу ходить и хорошо себя чувствую. Надеюсь, так же хорошо себя чувствует и она. Ведь ты же можешь ее видеть? Я тоже хочу!

– Да, Наташа, если ты этого желаешь, мы отправимся прямо сейчас.

Он взял меня под руку, и мы тихонечко пошли к покоям своей дочери. Вместе с ней жили кормилица и девушки, которые следили за ее состоянием.

– Федь… А как там Дарья Леонидовна? Отбывать не собирается?

Краем глаза я видела, что он даже не поморщился.

– Знаешь, душенька, пока, вроде, нет. А что такое? Я думаю, ее твой папенька должен восвояси отправить… или какой сигнал к этому дать.

В его словах была логика.

– Твоя правда, должен он ей сигнал дать. И… обязательно даст, в очень скором времени.

Он остановился, сжал мой локоть и сказал:

– Наташа, я же говорю тебе: ничего не было… Не было!

– Не было, не было… Хорошо, я тебе верю. Не было… не было… не было… – бормотала я себе под нос. – Федь, – окликнула я его.

– Да, душа моя.

– А хочешь, я расскажу тебе, что той ночью было?

– Какой ночью? – опешил он.

– Ну, тогда, перед свадьбой.

Он на несколько минут задумался, потом вспомнил и поспешно произнес:

– Нет! Не хочу!

– А чего так?! Ну, слушай. Дело было так…

– Нет, нет и нет, – быстро произнес он. – Остановись! Пускай при тебе останется! Не хочу, чтобы твой светлый образ тускнел в моих глазах.

– Ах! Смотрите, какой ранимый, – усмехнулась я. – Не хочет, чтобы мой светлый образ…

Глава 209. Софийка

За разговорами мы дошли до покоев нашей дочери. Я отворила дверь и прошла внутрь. Там стояла колыбель, возле которой склонилась какая-то женщина. Она тихонько покачивала люльку, а потом повернулась к нам и сказала:

– Приветствую вас, Наталья Дмитриевна.

– Вон! – коротко приказала я.

Она поклонилась и быстро вышла.

Подойдя к колыбели, я заглянула внутрь. Дочь… Там лежала моя дочь. И хочу отметить, что это была лишь моя дочь, я поняла это сразу, как только ее увидела. Она была невероятно похожа на своего отца… на молодого человека по имени Петр, с которым я имела неосторожность вступить в близкие отношения. Пусть я его совсем уже не помнила, но стоило мне бросить один только взгляд на личико своего ребенка, и я сразу смогла представить каждую черточку его лица. Софийка была так на него похожа… Своей кожей, которая буквально просвечивала, и волосами, которые у нее были светлые, почти невидимые. Она смешно морщила носик и чмокала пухленькими губками. Она выглядела настолько маленькой, что мне страшно было к ней даже прикоснуться, я не знала, как взять это хрупкое создание. «Господи, разве не чудо ты явил мне?! – в порыве нежности подумала я. – Эта крошка – моя дочь! Моя! И больше ничья!»

Я очень аккуратно подняла ее из колыбельки и прижала к себе, нежно поглаживая теплый сверток.

– Наконец-то я обнимаю тебя, София… Наконец-то я смотрю на тебя, моя маленькая девочка. Ну, здравствуй! Я твоя мама. Меня зовут Наташа.

Федя стоял чуть поодаль и наслаждался картиной, которая разворачивалась перед ним. Он умиленно произнес:

– Наташка, ты похожа на Мадонну.

– Федь, – на свой страх и риск позвала я его, – подойди к нам. Я хочу посмотреть, как ты держишь свою дочь… нашего ребенка.

Он не заставил себя ждать, и по тому, как он смотрел на Софийку, я уверилась: пока он ничего не понимает. Но я уже знала, что это только вопрос времени. Наступит день, и он усомнится, и тогда это загнившее зерно упадет к нему в душу так глубоко, что пустит там корни… И однажды он всё поймет. А пока он держал ее, так нежно прижимая к своей груди, как лишь любящий отец может держать свое чадо.

– Софья Федоровна… смотри, доченька моя, вот по этой дороге папа увезет тебя…

Он подошел с ней к окну и приподнял ее на руке.

– Куда это ты собрался ее увезти?

Он повернулся и недовольно буркнул:

– Ну не мешай, Наташ, ну что ты всё время меня перебиваешь?! Ты что, не видишь, я со своим чадом общаюсь. Это же моя до-о-очь, кровиночка моя!

– Ну да… – спрятала я глаза.

И подумала: «А может, всё обойдется? Вдруг он не догадается? Чего заранее страшиться? Может, и не заметит. А что светленькая… скажу, что в маму мою пошла, благо он не видел ее никогда. Главное, сейчас он не знает всей правды, а я о нём всё знаю, и карающий меч в моей деснице…»

Федор поднял Софию на вытянутой руке к потолку, и мне отчего-то стало страшно: вдруг уронит.

– Дочку положи, это тебе не игрушка.

– Чегой-то я ее положить должен?! А может, я еще подержать хочу, может, прямо-таки не могу с ней расстаться, нету мочи оторваться от маленькой своей конфеточки? Ты только посмотри, какая она крошечная, какая лапушка… Наташа, мне кажется, она будет твоей точной копией.

Федор аккуратно положил дочь мне на руки. Я улыбалась, разглядывая ее смешное личико с белыми молочными пупырышками на носу. Она смешно зевнула и уставилась на меня своими темно-синими, чуть с поволокой глазами. «Хорошо бы, – усмехнулась я про себя, – если бы она и вправду была похожа только на меня».

Нежно покачивая дочку на руках, я ходила по комнате, шепча ей на ушко:

– Ну что, Софийка, смотришь? Ты уж постарайся, не подведи маму, а то несдобровать ни тебе, ни мне!

Я поцеловала ее и отметила, что она по-особенному пахнет – молочком. А какие нежные были у нее щечки! Мне

отчаянно захотелось укутать ее и забрать к себе в комнаты, положить в свою кровать и не расставаться ни на минуту.

Нежно прижимая ребенка к груди, я ходила по комнате, и мысли текли плавно, спокойно. Я впервые испытала необъяснимое чувство радости и счастья от того, что являюсь одной из тех, кто дал начало новой жизни. Я представила, что, наверное, вот так же, прижав к сердцу, ходила со мной моя мама, качала меня, баюкала и пела колыбельные. Новое, необъяснимое чувство возникло внутри, и мне захотелось, чтобы оно длилось как можно дольше: «Надо бы распорядиться, чтобы колыбельку перенесли в мои покои. Я ее мама, и кроме меня никто не сможет о ней позаботиться так, как я. Ах, как это чудесно: видеть ее маленькое тельце и распахнутые глазки. Они смотрят на меня, и душа переполняется счастьем. И пусть я не кормлю ее, да и не хочу этого делать, всё равно, она моя и должна все время находиться рядом со мной.

Каждую секунду я должна видеть маленькое личико, которое напоминает о сумасбродных минутах моей жизни. Эта девочка стала самым большим, но таким приятным конфузом, который только мог со мной произойти! Нестираемое, неопровержимое доказательство бесшабашности моих мыслей и необдуманности деяний. Вот он, плод той странной, давно позабытой любви, того чувства, которое уже почти стерлось из моей памяти. И вряд ли когда-либо возродится в событиях наступивших дней…

Даже если бы я хотела разыскать ее отца, то, наверное, не смогла бы. Ведь я понятия не имею, где он обитает. А он? Он так больше нигде и не объявился. Бросив мне те высокопарные слова, пропал, видимо, не смея нас беспокоить… Ну и Бог с ним! Зато он оставил мне такую прекрасную девочку, которая не принадлежит этому иуде, псу-предателю, этой деревенщине! И она не несет никакого поганого наследия, которое смогло бы вырастить из нее деревенскую тетеху, подобную его сестрице или матушке».

Вот этому я была действительно искренне рада. Я не горевала, что Федор мне изменяет, но страдала от того, как изощренно он пытается расправиться с моим отцом…

Вспомнив о неприятном, я занервничала, и Софийка почувствовала это. Она сморщила носик и начала хныкать, а потом и вовсе расплакалась. Я беспомощно держала ее на руках и совсем не знала, что делать…

Передав дочь кормилице, я отправилась к себе и, уже лежа в кровати, вновь вспомнила о Петре. Конечно же, тогда я не знала, из какого дома, из какой семьи отец моей Софийки, этот господин-загадка, который что-то надломил во мне, в моем представлении о любви и счастье. И это до сих пор никто не может починить, в том числе и я сама. Не могу вернуть на место ту тонкую планочку в голове, которую он так искусно сместил своим поведением, и это совершенно выбило меня из равновесия. И я поняла, что эти давно забытые чувства, к которым я не хотела возвращаться, от-

чего-то всё еще будоражат мое сознание. Наверное, этому поспособствовала моя дочка: смотря в ее лицо, я невольно вновь возвращалась туда, в ту единственную нашу с ним ночь. «Ну где же ты сейчас? Почему не нашел меня, не пришел и не объяснился? Почему ты вот так внезапно появился в моей жизни и так же внезапно пропал? Почему тебе проще не видеть меня и не говорить со мной? Ведь ты же сам лишаешь себя радости…»

Федор пока со мной не ночевал – спал в гостевой комнате, так что времени подумать, находясь наедине с собой, у меня было предостаточно.

Может быть, Петр оказался самым умным, самым расчетливым мужчиной в этом мире, который смог предвидеть финал наших отношений и нашей истории, которая могла бы начаться, не скройся он от меня. И он единственный из всех умудрился осознать, что такой конец ему не нужен! Наверное, он самый достойный из всех представителей мужского пола, которые попадались на моем пути. И конечно, это не случайно, что именно от него я забеременела и родила эту девочку, что именно он смог пробиться внутрь меня так глубоко, что даже умудрился что-то сломать в моем внутреннем устройстве.

Заснула я, думая о Петре и о той роли, которую он сыграл в моей жизни.

Утром я встала, наскоро совершила утренний туалет и на-

правилась в комнату Софийки с твердым намерением забрать ее к себе. Когда я вошла, Федор уже был подле дочери и о чем-то ворковал с ней:

– О, доченька, смотри: вот и мама пришла!

Я подошла к ним поближе, ожидая, когда он налюбуется и намилуется. И подсознательно ожидала вопроса: «Слушай, Наташа, а чего это она такая белесая-то, совсем как поганка?..» Я прямо-таки слышала эти слова, которые он произносит, но Федор почему-то упорно не замечал, что они совсем не похожи. «Софийка, подожди, радость моя, мне нужно еще кое-что завершить», – подумала я, а вслух сказала:

– Пойдем-ка, Федя, в гостиную.

Глава 210. Коварный замысел осуществился

Мы молча вышли из комнаты, я крепче «сжала в руке свой карающий меч» и приготовилась к расправе. Я специально привела его в ту залу, где так часто и подолгу ворковали голубки.

– Федя, ты что, спишь с этой старой бабой?!

Он вытянулся по струнке, испуганно посмотрел на меня и, чуть помедлив, ответил:

– С чего ты взяла? И кого ты имеешь в виду?

– Подожди: сначала «с чего ты взяла», а потом «кого ты имеешь в виду», или наоборот? Ты путаешься! Я спрошу тебя еще раз: Федя, ты что, спишь с этой старой бабой?

– С какой? С какой старой бабой? О ком речь?

Я услышала шаги, сопровождаемые стуком трости, и в ужасе обернулась, поняв, что в гостиную вошел отец.

– Доброе утро, доченька! Рад лицезреть тебя в добром здравии. Я не ослышался? Он, недостойный, что, опять смеет изменять тебе?! Живет тут на всем готовом, мурло раскормил и опять за старое взялся? Неужто совсем страх потерял? – отец гневно посмотрел на Федора. – И я что-то не пойму, о какой старой бабе вы тут речь ведете?

Папа приближался к нам бодрым шагом, резво перестав-

ляя свою палочку. Он пристально вглядывался мне в лицо, пытаясь понять, в каком я состоянии.

– Наташа, – вдруг усмехнулся он, – да плюнь ты на него! Пусть катится ко всем чертям, мы и вдвоем с тобой эту хорошенькую девочку вырастим. Пускай идет на все четыре стороны, хоть к старой бабе, хоть к молодой, – он взял меня за руку. – Разойдетесь без громких криков, вот и ладно будет.

У Федора от злости заходили желваки на скулах. Понимая, что попала в щекотливую ситуацию, я постаралась сгладить ее, не выдавая истинных причин.

– Папа… ты как всегда не вовремя.

– Это почему же, дочь моя? Опять его защищаешь, хочешь, чтобы всё ему с рук сошло?

– Нет, папа, – начала оправдываться я. Мне больше всего на свете не хотелось, чтобы до него долетела хоть малейшая толика правды о происходящих в нашем доме событиях. – Я совсем не это имела в виду… Ты иди, мы сами разберемся. А как только я с ним развестись надумаю, я тебе первому об этом сообщу. Обрадую, так сказать, не изволь беспокоиться. – И я шутливо похлопала отца по плечу, всем своим видом показывая, что у меня всё хорошо.

– Нет-нет, Наташа! Почему ты меня всё время куда-то отправляешь? Он тут, видите ли, таскается направо и налево, каких-то баб старых заводит и дочь мою расстраивает, а я уходить должен? Не-е-ет, девочка моя, твой отец еще спосо-

бен защитить тебя и свой дом!

Тут Федор открыл рот. И в этот момент закончились свободное дыхание и счастливая жизнь моего отца.

– Да вот, Дмитрий Валерьянович, – сказал он, принимая развязную позу, – Наталья Дмитриевна умалчивает, какой вопрос мы тут обсуждаем, а я скажу-у-у…

– Замолчи! – приказала я.

– А чего ж молчать-то, чай, мы одна семья. Оно стыдно, конечно, даже вам признаваться, но делать нечего…

Я посмотрела на него в ужасе и глазами сказала: «Нет! Нет, пожалуйста, не нужно!» Но он только ухмылялся, а потом смерил меня холодным, колючим взглядом, говорящим: «Ты же хотела этого?! Вот и получи, чего хотела! Правду?! Я сейчас ее расскажу…» Я из последних сил хранила надежду на то, что он не посмеет… ведь я умоляла, просила его об этом… и он знал… знал, сволочь, чем это кончится для отца. Но мой благоверный просчитал всё наперед: именно для того он и затеял эту пакость!

И Федор начал говорить:

– Так вот, Дмитрий Валерьянович, какое событие приключилось…

– Ну-ка, ну-ка, смотрите, – пес залаял. Ну-ка, интересно, что прогавкает… Я весь внимание. Говори!

– Так я и говорю, – зло ухмыльнулся Федор, болезненно реагируя на отцовское замечание. – Вот какое дело… э-э-х-х, приключилось. Барыня-то ваша, Дарья Леонидовна, на мне

прямо-таки помешалась. Проходу не дает – в каждом углу меня зажимает. Я уж и так ее пинаю, и сяк отталкиваю, а она заладила свое «люблю» и всё никак в себя прийти не может.

Папа широко раскрыл глаза, не в состоянии вымолвить и слова. Я обреченно смотрела то на него, то на Федора, а тот не унимался: эта подлость явно доставляла ему удовольствие.

– Да, прямо с ума сошла от любви ко мне! Ужо задушила всего…

– Что-о-о?! Как ты смеешь оскорблять порядочную женщину? Как смеешь опускаться до третьесортного вранья?! Ах ты, подлец, да я тебя… – и отец двинулся на Федора, потрясая в воздухе своею палкой.

– А прыти-то, прыти сколько! – чуть отступив назад, съязвил Федька. – Тихо, тихо, дедушка! Чего так распалился-то? Я ж тебе говорю: у меня даже глаз на нее не подымается, не то что… Так она сама… сама меня преследует! Ну-у… и добилась-таки своего, подлюка, застали нас врасплох. Вот, стою, жене каюсь, признаюсь в слабости своей телесной. Ну а что было делать? Если прям буквально повисла она на мне, впилася своими губищами! Ну и, тут уж извините, – развел он руками, – мужское начало во мне взыграло.

От услышанного я остолбенела, в ужасе зажав рот руками. Отец остановился и растерянно посмотрел на меня.

– Наташа, чего это он? Что он такое говорит, дочка? – в голосе его слышались слёзы и смятение. – Или в заблуждение

меня вводит, паразит этакий?! Дочь?! Чего это у него там поднялось-то? Какое начало? Он о чём?..

Я опустила голову, не в силах взглянуть отцу в глаза. Папа подошел совсем близко ко мне и наклонился:

– Наташа?.. Неужели это правда?! – На отца было страшно смотреть, он весь сжался. – Как же это?!

– Папа, ну что ты так нервничаешь?! Успокойся, чего ты его, дурака, слушаешь?

Отец схватился за сердце.

– Нет, Наташа, у него чего-то там поднялось, он говорит. Дочь, на кого поднялось? На невесту на мою?!

– Пап, да на какую невесту-то?

– Ну как на какую? Дарья Леонидовна же… Дочь, как же это?.. Как же это?! Наташа… Так это он что, взаправду?!

Отец прижал руку к груди и, глубоко вздохнув, раскрыл рот, сделал несколько шагов назад, уперся в стену и буквально сполз по ней на пол. И остался сидеть так с раскинутыми ногами и непонимающими глазами, глядящими на меня совершенно по-детски… Я бросилась к нему и потрясла:

– Па-а-апа… па-па, ты что?! Папа, да брось ты! Папа…

Но он успел только хрипло выдавить из себя:

– Ох-х-х, дочь… Что-то нехорошо-о-о мне… совсем… нехоро-о-шо, – и голова его откинулась на плечо. Больше он не сказал ни слова.

Я встала перед отцом на колени и, рыдая, взяла его безвольно упавшую руку.

– Папочка, пожалуйста, только не уходи…

Ответа не было. Я истошно завизжала. Папа не реагировал ни на мои крики, ни на прикосновения. Я звала его, трясла, плакала, но тщетно… Горю моему не было предела.

Сбежались слуги. Я велела срочно послать за доктором.

Федор всё это время молча стоял у двери и ждал, пока закончится моя истерика. Я обернулась к нему и простонала:

– Как же ты мог?! Зачем ты так?!

Он спокойно посмотрел на меня и хладнокровно заявил:

– Я слишком долго терпел его оскорбления. Да-а-а, я родился и вырос в деревне и, может, недостоин какого-то особенного отношения. Но знаешь, моя дорогая жена, человеческого отношения достоин каждый! А я человек! И я устал! Ты можешь называть это как угодно: жестокостью, злобой. А я тебе так скажу: сильный выигрывает битву, а слабый падает и остается на земле. И вот в сражении, которое он затеял, победу одержал я!

Он вышел и прикрыл за собой дверь, оставив меня наедине с отцом, который снова пострадал по моей вине…

Папа был очень бледен, губы сжаты, руки подтянуты к подбородку. Его поза говорила о том, что всё тело опять сковало невидимыми проволоками, они буквально связывали его, больно впиваясь в каждую клеточку. Господи, неужели это сделала с ним я?!

Я не знала, как мне попросить прощения, и горько плака-

ла, стоя на коленях.

– Папа, папочка, – позвала я, – папочка, ну пожалуйста, скажи хоть что-нибудь!

Отец приоткрыл глаза и попытался что-то сказать. Я так обрадовалась, что буквально прильнула головой к его груди, пытаясь разобрать слова, но вместо них до меня донеслось лишь бессвязное мычание, и он снова провалился в беспамятство. Ничего не оставалось, кроме как ждать прихода доктора, который, возможно, сумеет как-то поправить его состояние, совершит чудо. Отца перенесли в его комнату.

В дверь постучали, вошел доктор. Он осмотрел больного, пощупал пульс, поочередно поднял веки. Я с тревогой ждала.

– Вы ступайте сейчас, барышня, идите: ваше присутствие мне мешает. Окончив осмотр, я с вами побеседую.

Я вздохнула, поднялась с колен и обреченно побрела к двери. У меня не было больше сил смотреть на то, что стало с отцом.

Я вышла и увидела Федора. Он облокотился на стену, и его душили рыдания.

Взглянув на меня, он тихо произнес:

– Наташа, верь мне. Я не монстр… не чудовище…

Он хотел еще что-то сказать, но не сумел: его тоже хватил удар. Могучее тело сползло по стене, а губы скривились в какой-то жуткой гримасе. Я не подошла: жалости к нему

не было в моей душе. И вдруг поняла, что с этого дня, с этой самой минуты больше не могу любить его.

…До сих пор для меня остается загадкой, почему я тогда не прекратила всё разом, почему продолжала жить с ним?.. То, что происходило между нами в дальнейшем, мало поддается логике. Я, которая никогда не терпела над собой никакого насилия, почему-то не смогла одним махом остановить это адское колесо, которое начало стремительно раскручиваться, подгоняя нас всех к трагической развязке…

Проходя мимо Федора, я вдруг услышала, что за дверями детской плачет моя дочь. Ее надрывный крик разносился по коридору, и я поспешила к ней. Кормилица взяла Софийку и приложила к груди, дочка сразу успокоилась и довольно зачмокала. Я отошла к окошку, ожидая, пока малышка насытится, и грустные мысли вновь захватили мой разум.

Мне очень хотелось увидеть Дарью Леонидовну, мерзкую гадину, которую и женщиной-то назвать нельзя. «Как она могла так поступить?! Нашла кому козни строить…

Отец отличался удивительной порядочностью от всех мужчин, которых я когда-либо знала. Он был самой чистой и прекрасной души человек! Ведь он так доверял ей, оказывается, даже сделал предложение! Подумать только! Так вот, что так быстро поставило его на ноги – любовь! Он влюбился как мальчишка и защищал ее от моих нападок. Только сейчас мне стала в полной мере ясна та картина, которая

разворачивалась передо мной весь этот год. Трепетные чувства немолодого мужчины, который мог так тонко чувствовать и преданно любить… Его держали на этом свете тонкие нити любви к этой женщине. И как только эти нити оборвались, всё полетело в тартарары.

А я не разглядела, не поняла и упустила последний шанс вернуть его к нормальной жизни! Я была так слепа и невозможно глупа! Как я могла это допустить?! Федька раздавил его, разбил! Одним словом, одним предложением отомстил за все обидные слова, которые отец ему когда-либо говорил! Он дождался самого уязвимого момента и ударил по нему так метко и прицельно, что буквально разнес его на осколки! И эти осколки я, наверное, никогда больше не смогу собрать воедино – так, чтобы они снова зазвучали прекрасной музыкой моего отца!»

Слёзы бежали по щекам. В тот момент я поняла, что осталась в этом мире совсем одна: папа никогда больше не сможет ни защитить меня, ни утешить… Я была уверена, что Федька всё это сделал специально: устав ждать признания, он решил разрушить папу. «Как же я не заметила этого раньше? Я сама позволила ему сделать это с моим отцом! И куда делась эта престарелая падшая женщина?! Как бы мне хотелось взглянуть ей в лицо! Я бы выцарапала ее бесстыжие глаза! Обязательно нужно ее найти и наказать. Обязательно!»

Кормилица уложила Софию, и я склонилась над ее колыбелью. Моя маленькая девочка, теплый комочек, подтягива-

ла ножки и смешно перебирала ими в воздухе. Я протянула руку и нежно взялась за маленькую пяточку, прошептав, как сильно я ее люблю. Потом остановилась и добавила, скорее чтобы успокоить сама себя:

– Я обязательно… обязательно спрячу тебя от него, мое сокровище! Он не сделает тебе ничего плохого! – поцеловала малышку в щечку и вышла из комнаты.

Глава 211. Плоды «страстной любви»

Прошло недели две. Я постоянно дежурила у кровати отца. Один за другим к нему приходили доктора, давали какие-то отвары и настои. Тело его уже не было таким скрюченным, но он всё еще почти не говорил, только иногда что-то бормотал и звал меня.

С этой женщиной я встретилась лишь однажды. Подойдя к двери отца – она была не закрыта – я услышала, как она что-то говорит ему, слезно моля простить. Я распахнула дверь, когда папа потребовал:

– Уйди!

Она встала и вышла. Я схватила ее за руку и увлекла вглубь коридора, чтобы отец не услышал нашего разговора. Я в упор посмотрела на нее и с ненавистью процедила:

– Вон отсюда!

– Но… Но я не могу сейчас уехать. Мне нужно сказать Дмитрию Валерьяновичу, объяснить…

– Стоп, – подняла я руку в запрещающем жесте. И, увидев служанку, скомандовала: – Аню ко мне! Быстро! А ты немедленно собирай свои вещи и вон отсюда!

Дарья Леонидовна закрыла лицо руками и пошла к себе.

Я вернулась в свою комнату. В дверь постучали, во-

шла Аня.

– Анюта, ты должна поселить эту гадину у себя в деревне! Найди ей дом. Уговори, придумай что-нибудь, наври ей: мол, так она сможет, якобы не беспокоя меня, дождаться… прощения Дмитрия Валерьяновича. Носи ей еду… – я пристально посмотрела на Аньку, та молча слушала меня, – корми ее и пои! Корми очень хорошо, ты поняла меня, Аня?! Да поласковей с ней, поласковей, чтобы верила! Скажи ей – я тебе разрешаю, – что, мол, сама натерпелась от барышни, чтоб она ничего не заподозрила…

– Да, Наталья Дмитриевна.

– Всё поняла?! – я вложила в эти слова весь страшный смысл того, чего хотела добиться от Ани.

– Всё!

– Иди, уведи ее отсюда! И чтобы я ее больше никогда – слышишь? – Никогда! Не видела! Ступай!

Она молча встала и покорно удалилась. Мое сердце было холодно.

– Так надо, – проговорила я, – так надо! Она должна ответить за все его страдания!

Я вышла из комнаты и медленно побрела к отцу, чтобы взглянуть на него хоть одним глазком. Коридор был пуст. Я подумала: «Вот и кончился праздник, не успев даже толком начатья. Позади самые счастливые минуты моей жизни». С этими тяжелыми, невеселыми мыслями я подошла

к папиной двери и легонько постучала. По обыкновению, мне никто не ответил, поэтому я сама открыла и сделала шаг.

Зайдя внутрь, я увидела отца, лежащего без движения, с закрытыми глазами. Веки его подергивались, словно он находился в беспокойном сне. Я присела рядом и начала тихонько гладить его по руке и мысленно говорить с ним, прося прощения за что только можно. И за последнее свое решение в адрес его несостоявшейся невесты. Рука дернулась, и он приоткрыл веки. Я встрепенулась:

– Папа, ты видишь меня? Я здесь, с тобой. Папа, ты слышишь, что я говорю?

Он едва заметно кивнул. Я низко-низко наклонилась к нему, и он прошептал мне в самое ухо:

– Наташа… что-то худо мне совсем, не смогу более защищать тебя, моя девочка. Не смогу больше быть опорой твоей, – каждое слово давалось с огромным трудом.

Я в слезах бросилась ему на грудь:

– Папа, это я теперь твоя опора. Ты можешь на меня положиться!

Несмотря на ужасное самочувствие, он сумел пересилить себя и улыбнуться одними губами, смотря на меня с нежностью. Я улыбнулась в ответ, хотя на душе было очень плохо.

– Папа, дай знак… мои слова тебя повеселили?

Он кивнул и даже тихо прошептал:

– Ну, Наташка, какая из тебя опора?

Тут он как будто почувствовал резкую, нестерпимую боль

где-то глубоко внутри. Его лицо исказила гримаса, он запрокинул голову на подушки, застонал, и я больше не смогла добиться от него ни слова. Я выскочила из комнаты, крича:

– Быстрее! Сюда! Врача, срочно!

Сбежалась челядь.

– Идите скорее! Поддержите его! – Я продолжала кричать, хотя слуги уже помчались к отцу. Меня они взяли под локти и потащили в покои, приговаривая:

– Барышня, всё будет хорошо, и папа ваш обязательно поправится, ведь сильный-то мужчина какой, – и тому подобную чушь.

– Оставьте меня!

Рухнув на кровать, я закрыла лицо руками, не в силах сдержать слёзы. Дверь отворилась, вошел Федор. Я села и он сел спиной ко мне, облокотившись о мою спину, а я, точно каменная, никак на это не отвечала. После произошедшего с отцом мы больше ни разу не разговаривали, а если и встречались ненароком, то я проходила мимо. Я не позерствовала: в душе не было никаких чувств по отношению к нему.

– Ну что, Наташа, ты всё папу своего оплакиваешь? – наконец спросил он.

Я не отвечала, продолжая тихонько всхлипывать.

– А мужа родного тебе не жалко? Посмотри на меня! Я хочу, чтобы ты увидела мое лицо.

Я не подчинилась, поэтому он обошел кровать, взял мои

руки и с силой отдернул их от лица. Мне показалось, что в его глазах мелькнула тень жалости. Я резко поднялась и сказала:

– Не смей меня жалеть, ведь это ты – причина моих страданий!

– Нет, Наташа, ты ошибаешься.

– Ну что ты хочешь мне сказать? Что это я сама – причина? Я от тебя ничего другого и не ждала!

– Не-е-ет, Наташа, это просто жизнь, – ответил он.

Не найдя слов, чтобы ответить на это, я ударила его по щеке так, что голова отлетела к плечу. Я вложила в пощечину всю свою силу, всю злость и обиду. Гордо подняв голову, я молча смотрела ему в глаза.

Чуть сощурясь, Федор потер ушибленную щеку и сухо отчеканил:

– Ты помнишь, как я говорил, что ты больше никогда, никогда не посмеешь меня ударить? А если посмеешь, то будь готова держать ответ!

И он врезал мне кулаком в грудь – так, что я упала и осталась сидеть на полу, не в силах произнести ни слова. Я изо всех сил пыталась не плакать: не хотела, чтобы он видел мои слёзы, старалась не выказать боль, которую он мне причинил. Не могла я позволить, чтобы Федька увидел, что я уязвима, что я слабее его и что его проявления бессилия терзают мое тело. «Пусть лучше я буду сильной, буду как Катя! Он причинит мне боль, а я буду улыбаться…» Поднявшись,

я гордо выпрямилась и сама пошла к нему, с вызовом бросив в лицо:

– Ну, слабак, бей! Если ты думал таким образом унизить меня – попробуй! Но я говорю, смотря прямо в глаза: тебе это не удастся! Вот она, цена твоей любви, теперь я ее знаю! И ты знай: никогда не сломишь ты моего духа! Никогда я тебе не подчинюсь!

– В своем ли ты уме?! Что творишь?!

Я смотрела на мужа, и в этот момент он был для меня ничтожен и жалок. Слаб тот мужчина, который позволяет себе ударить женщину!

Мой презрительный взгляд распалил его еще больше, и, не дав мне ответить, Федька ударил еще раз – в живот. Согнувшись от боли, я валялась на полу, но тут же вскинула голову и с ненавистью посмотрела ему в лицо. Мои глаза жгли его. Федор передернулся, перешагнул через меня и вышел, от бессилия хлопнув дверью.

Как же плохо мне было в тот момент, не могу описать словами… Всё смешалось во мне от его удара. Я больше не отделяла хорошего Федора от плохого – в одночасье всё встало на свои места. Мои чувства, ранее пребывавшие в хаосе, вдруг разложились по полочкам – я увидела истинного Федора, о котором меня предупреждал папа, и тут же захотела остаться вдовой! Пришло осознание, что из-за своего упрямства я совершила роковую ошибку и мне никак не выбраться из сетей, в которых я сама себя запутала. Боль немного

поутихла, я выпрямилась.

– Не смей плакать, слышишь, – твердо приказала я себе, – ни единой твоей слезы он ни стоит!

«Не увидит он меня слабой и растоптанной! Я обязательно что-нибудь придумаю – он за всё ответит! За каждую мою слезинку, за каждый волос, упавший с моей головы, за каждую ссадину! Я добьюсь, что он будет стоять передо мной на коленях и молить о пощаде. А пощады не будет!»

– Нет ее для тебя! Ты убил мою любовь! Двумя ударами уничтожил! Больше никогда я не смогу любить тебя как прежде!

Таков был мой вердикт, мой приговор ему, приговор моим чувствам, моей любви. Ее больше нет! Даже если я останусь жить с Федором под одной крышей, ее больше нет!

Нахлынувшая злоба подняла меня на ноги. Я встала и оправила платье, высоко вскинула голову. Мне нужно решить проблему, которая образовалась в моем доме! Мне нужны врачи, лучшие доктора! Люди, которые будут по-доброму относиться к моему отцу и поддерживать меня, вселять надежду и давать нам силы жить дальше. У меня крошечная дочка и немощный папа, я им нужна, я отдам им всю себя, без остатка. Я подарю им любовь, разделю ее пополам между своими дорогими людьми – и этим буду счастлива.

Я стояла посреди комнаты, в голове шумело, и я решила сейчас же, не мешкая ни минуты, уехать из дома. «Но ку-

да же мне направиться? Где меня ждут? Где хотят меня видеть? Где меня любят? – я не знала… – Главное – уехать, а по дороге я всё решу».

Подойдя к зеркалу, я привела себя в порядок, напудрила лицо, чтобы не было заметно болезненной бледности, и, едва выйдя из комнаты, столкнулась со своим мужем, который, видимо, решил вернуться и добавить мне еще тумаков – судя по его серьезному лицу и глазам, которые безжалостно смотрели на меня.

– Ты куда? – спросил он.

– Подышать воздухом, – отрезала я.

– Ну, иди, быть может, проветрит твою голову, – ухмыльнулся он. – А знаешь, Наташа, моя дражайшая жена, что тебе на самом деле поможет?

Я подняла глаза и с усмешкой ожидала ответа.

– Не знаешь… а я тебе скажу: истинная любовь и уважение к своему мужу! Как там сказало было, в Писании?.. Да убоится жена мужа своего…

– Вот оно как?! Мне, оказывается, тебя бояться нужно?!

– Ты должна меня уважать! Ты! Должна! Меня! Уважать! – чеканил он каждое слово. – Я, пожалуй, составлю тебе компанию на прогулке.

– Нет! – отрезала я. – Я не желаю видеть тебя рядом с собой! Я надолго не задержусь, не изволь утруждаться! – сказала я с издевкой.

– Нет! Со мной пойдешь! – рявкнул он. – Достойный спутник тебе нужен, и лишь я таковым являюсь. Никогда и никуда ты больше не выйдешь одна, без моего сопровождения! – он говорил так, словно был мне не мужем, а тюремщиком, надзирателем. – Это тебе понятно?! Или мне стоит еще раз пуститься в объяснения, подкрепляя их более увесистыми доводами?!

Он сжал кулак и плавно покачал им перед моим лицом. Я одним пальцем отодвинула его руку от себя. Мне не было страшно, я смотрела ему в лицо прямо и открыто. Катино достоинство, с которым она переносила страдания, стояло перед моими глазами.

– Ты в этом пойдешь? – спокойно указала я Федору на его домашние панталоны и халат. – Жду тебя внизу. И пожалуйста, поторопись.

Он, видимо, подумал, что преподанный урок возымел действие, и, обрадованный, произнес:

– Вот такой ты мне нравишься, Наташа. Ты должна быть хорошей женой, покладистой, тихой! И не имеешь права забывать, что имя тебе – женщина! А как ты знаешь, женщина всегда идет на несколько шагов позади широкой спины своего мужчины. Помни это правило! В разговорах со мной, в пожеланиях мне – помни! Чтобы собраться для прогулки с тобой, мне не нужно много времени. Встретимся на крыльце. А теперь – иди и жди меня.

Я кивнула головой, приложив руку к ушибленному месту.

– Больно?

Я отвернулась, не удостоив его ответом. Федор положил руки мне на плечи и сказал примирительным тоном, словно он не избил меня, а всего лишь наступил на ногу.

– Ну прости меня. Не хотел я тебя обижать. Но как еще мне учить тебя, Наташа: слов-то ты не понимаешь? Ты не приемлешь их, ты только свои слышишь… только свои слова, только свои мысли. Как мне объяснить тебе, что не смеет женщина руку на мужчину поднимать. Это неправильно, это против природы – пойми! Ната-а-аша, я очень тебя люблю. Ты мне веришь?

– Да, – соврала я.

– Наташа, я не желаю тебе зла. Я хочу и дальше любить тебя. И я по-прежнему не мыслю своей жизни без тебя. Наташа, ответь, ты принимаешь мои извинения?

– Да, – я опять соврала, ведь больше не верила не единому его слову. Мне хотелось закричать, что я не мыслю больше жизни рядом с ним, но я промолчала. Мне просто необходимо было усыпить его бдительность и убежать из дома, потому я просто избрала наилучшую тактику – не перечить.

– Наташа, будь честной со мной, будь искренней. Будь любящей, будь ласковой. Ну пожалуйста, будь женщиной.

Его голос срывался от бессилия. Он хотел, чтобы я ответила на его проникновенные волнительные речи, заглядывал мне в глаза. Но я не верила ни его чувствам, ни его словам. Я просто играла роль в дешевом спектакле.

– Я усвоила – быть женщиной! Напомни мне, на сколько… на три… на два шага я должна идти позади тебя? Думаю, ты напомнишь мне, когда я забуду.

– Наташа, ну зачем ты так со мной?! Неужели ты совсем никогда меня не любила?

Я вскинула голову, смерила его презрительным взглядом и окатила ледяным тоном:

– Не любила бы – замуж не пошла бы!

Я не знала, как отвертеться от этого разговора. Хотела, чтобы он поскорее закончился и Федор оставил меня в одиночестве, чтобы я смогла с предельной скоростью, на которую только была способна, вылететь из этого дома и, не оглядываясь, скакать, скакать, скакать…

– Прежде чем я удалюсь собираться, – сказал Федор, – хочу, чтобы ты спустилась со мной вниз. Сразу предупрежу: там чаевничает моя матушка и у нее есть к тебе разговор. Ты готова сопровождать меня?

– Да, – ответила я и зло усмехнулась про себя. «Если после этого ты оставишь меня в покое. Пусть думает, что я проглотила эту обиду, пусть. Не сейчас – всё потом. Я решу, как поступить».

Глава 212. Заклятые родственники

В столовой восседала мать Федора и пила чай на деревенский манер. Наливая горячий напиток в блюдце, она шумно прихлебывала, что заставило меня невольно передернуть плечами. Я подошла к ней, слегка кивнула в знак приветствия и сделала вид, что не заметила ее жеста – руки, которую она «царственно» протянула, не вставая со своего места.

– Доброго дня, Фекла Федоровна. Федя сказал, что вы хотите видеть меня…

Фекла убрала руку и фальшиво заворковала:

– Присаживайся, присаживайся, деточка. И ты, сынок, чиво стоишь? Скорее садитеся, детки, да вот, покушать себе берите. А начну я, Наташа, вот с чего: что-то сынок мой плохо выглядит. Наверное, не ест совсем? Ведь как испереживался весь, посмотри. Щёки-то ввалились у его, и кружищи черные под глазами.

Я мельком взглянула на Федора, и сложные чувства шевельнулись в моей душе. Мне потребовалось немало усилий, чтобы подавить поднимающийся протест.

– Я думаю, вы преувеличиваете…

Мать даже слушать меня не стала и, махнув рукой, безапелляционно добавила:

– Плохо ты ухаживаешь за им, дочка! Плохо, я говорю! Не как следует обихаживаешь сыночка мово. Ты, Наташка,

гляди: не одумаисся, заберу его обратно домой! Найду ему в деревне девку – у-у-ух, работящую!

Я согласно кивнула и улыбнулась, а про себя подумала: «Господи, хоть бы тебя черти унесли туда, откуда принесли, да с сыночком вместе! Как я была бы счастлива! Рожи ваши видеть уже не могу!»

Я села в папино кресло во главе стола и, положив перед собой сцепленные в замок руки, молча взирала на мать с сыном. Этот жест не укрылся от родственников: они прекрасно поняли, что я имею в виду, и переглянулись.

– Слушаю вас внимательно, Фекла Федоровна.

Мать закашлялась, слишком жадно отхлебнув из блюдца. У этой женщины была странная особенность: не притрагиваясь к табаку, она кашляла и хрипела, как заядлый курильщик. Живя в нашем доме, она по-прежнему носила домотканые сарафаны и нелепые бабьи чепцы. Правда, речь ее немного изменилась и уже не была такой корявой, как раньше.

– Да, Наташа… Мы с сыном посоветовались, и вот я об чем поговорить с тобой хотела. Дочка моя отыскалась, сестра Федькина… – она внимательно посмотрела на меня, ожидая реакции, но я упорно молчала. Мать, вздохнув, продолжила: – Прошу твоего дозволения, чтобы, как получит мое письмо, могла она приехать сюда и постучаться в эти двери. И я хочу впустить ее внутрь, не оглядываясь на твою недовольную гримасу.

Я усмехнулась:

– Почему это вы решили, что у меня в тот момент будет на лице, как вы изволили выразиться, гримаса?

– Ну… потому, что вы давние с ей врагини.

– Полно, матушка, – пропела я. – «Врагини»… Слово-то какое… неправильное. Какие же мы с ней враги? Нам делить нечего! Уважу вашу просьбу, открою ей двери и внутрь зайти позволю.

– Не обманываешь, дочка?

Я сделала большие удивленные глаза:

– Что-о-о вы, матушка? Да как можно? Разве хорошая невестка на такое осмелится?

– Ну да, ну да… – недоверчиво протянула она.

«Уж ежели играть, то хорошо, – подумала я. – Уж коли быть лицедейкой, то такой, чтобы никто… никто не смог отличить игру от жизни!»

Лукаво прищурясь и только что откровенно не улыбаясь во весь рот, я смотрела на Феклу. Свекровь знала, что я бессовестно вру, что весь наш приторно-добропорядочный диалог – ложь от первого до последнего слова. Со стороны это, наверное, выглядело очень забавно. Представьте себе: две женщины, всеми фибрами души ненавидящие друг друга, улыбаются и пытаются говорить красивыми словами, сохраняя хорошую мину при плохой игре. Сия сцена достойна театральных подмостков!

Я вынуждена была скрывать под маской внешнего спокой-

ствия, беззаботности и веселости свои чувства и к матери, и теперь уже к ее сыну – раздражение и недовольство. «Видно, всегда мне придется выживать так теперь, – горько подумала я. Папа не может меня защитить, а про графа и говорить не приходится. Недавно он узнал, что его молодая жена больна чахоткой, и кроме нее, он ни о ком больше думать не может. Ходят слухи, что и сам граф без конца обращается к докторам по причине частых приступов мигрени. Не добивать же мне еще и его своими проблемами…»

Служанка принесла мне кофий и, отпив маленький глоточек, я с беспечным видом спросила:

– А где Парашка скиталась столько времени? Поведайте, матушка. Может, ей лечение какое потребуется, прежде чем она переступит порог моего дома?

Свекровь аж подпрыгнула на месте и хрипло рявкнула:

– Это ты на что, паскудница, указать хочешь?!

Отпив еще глоточек и выдержав паузу, я елейно ответила:

– А я, Фекла Федоровна, прямо говорю, что… э-э-э… как бы это полегче… У дочери вашей особенности есть, не совсем чистоплотные, а у меня ребенок в доме. А так как в силу печальных обстоятельств ответственность за всех живущих тут теперь ложится на мои плечи, я вас предусмотрительно и спрашиваю.

Мать хрипло заверещала:

– Какие такие особенности?! Федь! Чегой-то она? Чего?..

Затянувшийся разговор о Парашке начал злить меня.

Ушибленное место болело, и находиться среди своих обидчиков я не имела никакого желания.

Федор до поры до времени не вмешивался в разговор: он сидел насупившись и виновато поглядывая в мою сторону. Видно, до него всё же дошло, что он был неправ.

Мой тон и нелестный отзыв о дочери всё-таки вывели Феклу Федоровну из себя. Она подняла налившиеся кровью глаза, открыла рот, чтобы вылить на меня ушат нечистот, но тут подоспел Федор. Решив успокоить мамашу, он положил руку ей на плечо и примирительно забасил:

– Ну будет вам, мама, будет. Наталья Дмитриевна права. Есть за Парашкой грех такой, и все об этом знают. Ты вспомни, как она из деревни уезжала…

О! Тут грянули громы и молнии:

– И ты, паскудник, туда же?! Это ты от нее дерзости набрался?! – мать кивнула в мою сторону. – Смотрите на него, люди добрые: сестру свою единокровную признавать перестал! Чья следующая очередь, моя?!

– Мама… ну что ж вы зазря волнуетесь? – Федор как-то сразу заговорил на деревенский манер. – Ну не стоит так нервы трепать. А что до Парашки, то как была она мне сестра, так сестрою и остается! Не открещиваюсь я от нее вовсе. И от вас, мама, тоже: люблю вас очень и уважаю. И Наташа, жена моя… Наташ, скажи… – Он толкнул меня локтем.

– Что сказать? – удивленно переспросила я.

– Ну как же… Что ты маму мою уважаешь, – зашептал он.

– Так ты ведь уже сам всё сказал. Зачем я, как дурочка, твои слова повторять буду?

Злость и раздражение трансформировались в чувство глубокой отрешенности и сарказм.

Мать вновь обратилась ко мне:

– Вот послухай меня, Наташка, ибо хочу тебе хорошее предложение сделать. Слышала я о печальном состоянии отца твоего…

– А что явилось причиной «печального состояния отца моего», вы тоже знаете?

– Знаю, знаю! И поступки свого сына с тобой обсуждать не собираюся! Коли посчитал он нужным так сделать, значит, была на то его правда и его воля! И не собираюсь я обвинения твои выслушивать! Уже на дочь мою наговорила, вовек не разобраться! Врачей она мне тут, заморских докторов предлагает… Ишь, кака!

Она еще что-то бормотала, я начала терять нить разговора в потоке ее сознания и уже думала, как побыстрее сбежать… Но тут услышала ее слова:

– Человек у меня в деревне есть надежный, который за неходячими больными присматривает. Чтобы тебе жизнь свою молодую не гробить, чтобы у мужа внимание не забирать для больного отца-старика… Девушка хорошая. Она в селе выросла, городской жизни не знает, и искушения городские ей неведомы. И эта девушка может составить хорошую компанию твоему папе, потому как негоже молодым

господам на болезни стариков оглядываться…

…О, если бы я только могла доподлинно знать, о чем помышляет эта женщина, никогда бы не поступила так опрометчиво и беспечно. Гнать ее нужно было из нашего дома, вместе со всем семейством… Сколько раз колокольчики тревожным звоном отзывались в душе, но я не хотела слушать их предупреждения. После недавнего поступка Федора я обязана была обратиться за защитой к графу, пока он еще был при памяти, дабы защитить себя, отца и дочь. Но я не сделала этого, мне, видно, трудно было признаться перед ним, что грандиозные планы его неразумной дочери потерпели фиаско…

– Девушка молодая да сильная, опыт большой имеет, травница она знатная, – продолжала мать. – Кажной травинке применение разумеет. Ты с ответом не задерживай… Слышь, Наташка, я тебе, вроде, сказываю, а ты кудысь в сторону смотришь да об чем-то думаешь, не пойму я… Дело говорю!

– Я услышала, Фекла Федоровна. Если у вас всё, то я пойду…

Я встала и уже собралась уходить, но оскарбленная неучтивым к ней отношением свекровь, не отрывая от меня колючего взгляда, обратилась к сыну, который развалился на диване.

– Федь…

– Ну чего вам, мама?

– Вот смотрю я на нее и никак в толк не возьму… Федь, чего ты нашел-то в ней? Чего держишься за ее, как за веревку колодезную? Что в ней есть такого?! Нет, я без зла, ей Богу тебе говорю, без зла. Не понимаю просто… Фе-е-едь…

– Мама, на ваши глупости у меня совершенно нету времени.

– То-то я и смотрю, шибко занятый ты здесь сидишь! Развали-и-ился… – Фекла хлопнула ладонью по столу. – Подойди к матери! Спросить хочу-у-у…

– Мама! Вы зачем моей жене дурной пример подаете?!

– Ты почему со мной так разговариваешь?! Где твое почтение? – орала в ответ мать.

Я смотрела этот спектакль с большим интересом.

– Тьфу-у-у, – загудела свекровь и, театрально взвизгивая, согнулась пополам, а потом разогнулась, раскидывая руки. – Ой-й-й, важный якись найшовся! Давно ли в обосранных штанах бегал? – верещала она. – Тю-ю-у-у, матери вин своей будеть про важность сказывать, которая соплю-то йому с детства подтирала. Не стыдна-а-а-а?

Я прыснула в кулак и даже готова была поблагодарить эту бабку за секунды радости. Федька весь покраснел и аж задохнулся от негодования:

– Мама, ей Богу! Право, ну что вы за ерунду говорите! Какие штаны обосранные? Какие сопли? Мне лет-то сколько, вспомните! Или вы от старости умом скорбны стали?

Фекла уперла руки в боки, и ее сухонькое тельце двину-

лось на Федьку.

– Ты подывись, как вин, подлец, разговаривать навчился! А-а-а! Понабралси тут лоску столичного… – подойдя вплотную к Федору и топая ногами, мать начала неистово горлопанить: – Заткнись! Як я скажу, так и будеть! Да весь твой лоск, вот так вот – тьфу-у-у! Слетит с тебя! Перьями куриными осыплется! И ты куренком голым предстанешь! Чтоб остатний раз я слышала, як ты на мать голос подымаешь! И не смей даже рот свой на меня открывать! Кому ты усим обязан?! Мне! Почитай мать свою! Иначе будут тебя по жизни одни несчастья преследовать! Помяни мое слово! Ведь так вместо благословения родительского можно и проклятие получить!

– Ой! Ма-а-ма, – завопил Федя, гнусавя, – ваши бабские угрозы при себе оставьте! Как вы их из деревни привезли, так обратно и увозите, коли не нравится вам жизнь столичная. Я скоро большим начальником стану, а вы меня всё уму-разуму учите. Чай я сам уже отец, глава семейства…

Мать не унималась. Топая ногами, она верещала на весь дом, да и Федька от нее не отставал… Уходить мне моментально расхотелось: давно я такой трагикомедии не видывала. На столе в хрустальной вазе стояли сушки, я схватила горсточку и, забравшись с ногами в папино кресло, неотрывно, мало того – с наслаждением взирала на них, закидывая в рот крошечные бараночки, одну за одной. Уж очень захватывающее зрелище разворачивалось перед моими глазами.

«Во-о-от! Вот она, природа-то ваша истинная! Сыночек-то на маменьку как похож, как две капли воды, не отличишь… Права, Федька, мать твоя, когда говорит, что если содрать лоск твой наносной, явишься ты перед всеми, как петух ощипанный! Господи, да где же глаза мои раньше были?! Почему они только сейчас открылись?! Что же я наделала, глупая…»

Не в силах больше спорить с сыном, бабка топнула ногой и заорала на весь дом:

– А ну пошел! Отсюда! Во-о-о-он! Недосто-о-о-йный!

От этого крика я поперхнулась сушечкой и закашлялась. Они меня наконец-то заметили и, перестав спорить между собой, весь свой пыл обратили в мою сторону.

– Так ты здесь еще, что ли?! А мы думали, ушла давно! А ты тут сидишь, сухарями давишься да подслушиваешь?

Я встала с кресла и громко расхохоталась, окончательно сбив их с толку. Вытерев выступившие слезы, пошла к двери и уже на выходе, обернувшись, бросила:

– Не забывайтесь, дорогие родственнички: я, в отличие от вас, у себя дома!

Развернувшись на каблуках, я бросилась прочь с максимальной скоростью, на которую только была способна. Федька едва успел крикнуть мне вслед:

– Наташка! Подожди! Я еще не готов.

А я подумала: «Да ты готовься, готовься. Кто ж тебе мешает?»

Глава 213. Незадавшийся день

Схватив на ходу плащ с твидовым подбоем, я слетела с крыльца и свистнула так, что, мне кажется, с деревьев осыпались последние осенние листья. Я уже знала, куда поеду! Мерзкая сцена, которую я только что наблюдала, гнала меня прочь. Федькино семейство оккупантов отвоевывало всё новые и новые территория. Я задыхалась в стенах собственного дома.

Во весь опор я примчалась на конюшню. Оглядела стойла, и взгляд мой упал на белоснежную кобылу без единого серого пятна. Я протянула к ней руки… Мне так хотелось, чтобы она положила морду в мои ладони, но она этого не сделала. «Ничего, – подумала я, – мы с тобой еще подружимся».

Приказав конюху седлать лошадь, я всё торопила его, опасаясь, что Федор ринется в погоню. Уже покидая пределы усадьбы, я оглянулась. Странно: он меня не преследовал.

– Вот и ладно! – проговорила я. – Наверное, всё выясняют между собой, кто важнее.

Пришпорив лошадь, я понеслась во весь опор, словно вырывалась из плена. Почувствовав свободу, наконец-то вздохнула полной грудью. Волосы развевались на ветру, и, одержимая азартом быстрой езды, я почти не чувствовала боли, сковавшей всё мое тело. Пути оставалось совсем немного. Мне нужна была Катя, именно ее я сейчас хотела видеть. Она

была нужна мне как воздух, которым дышат, мне необходимо было говорить с ней, держать ее за руки, видеть ее глаза. Я хотела рассказать ей всё-всё, спросить о ее женской силе… Но перед этим всё же требовалось поговорить с графом.

Как только меня впустили в ворота графского особняка, я быстро спешилась и побежала в дом. На глупый вопрос дворецкого «С чем пожаловали, барышня?» я ничего не ответила и громко крикнула, будоража весь дом:

– Па-а-а-па…

Но граф спускаться не торопился. Я прошла вглубь дома и строго спросила подоспевшего слугу:

– Так! Где господа? Где Катерина Серебрянская?

– Не могу знать, барышня, – слуга замялся и продолжил, чуть опустив голову: – Мне не велено даже говорить об этом. А его светлость у себя, отдыхают. Они недавно из гостей вернулись и пока не велели беспокоить.

– А-а-а, понятно, недавно вернулись… Провожать меня не нужно, дорогу сама знаю.

– Но… барин не велели беспокоить.

– Вот и не беспокой! – отрезала я. – Ко мне эти распоряжения не относятся!

Взбежав на второй этаж, я тихонько приоткрыла дверь спальни – хотела заглянуть и посмотреть, в каком это образе мой папенька отдыхает в середине дня, и расспросить, где Катя.

В комнате стоял такой смрад, что я едва не закашлялась. Спертый воздух можно было потрогать руками, настолько он был тяжел. И мысли о том, чтобы рассказать всё отцу, улетучились сами собой. Подойдя к окну и настежь отворив его, я огляделась. Мой пропойца-папенька находился в комнате совершенно один. В покоях был жуткий беспорядок, повсюду раскиданы женские вещи, но никакой жены я не увидела. И усмехнулась про себя: «Может, он ее ночью съел? Может, ему закусить было нечем? Хм… смешно, – подумала я. – Всё-таки я сама себе лучшая собеседница и самый лучший друг! Я одна могу как низвергнуть себя в пучину бедствий и страданий, так и развеселить, и осчастливить. Мне нужно было за саму себя замуж выходить, и не было бы счастливее человека на всём белом свете. Я бы брала от этой жизни всё, что хотела, и никому ничего не была должна. Ах, как поздно меня посетили эти прекрасные мысли!»

– Граф!

Я громко позвала его, но он только задергал носом, повернулся и, пробурчав что-то несвязное, натужно захрапел.

Склонившись над бесчувственным телом мертвецки пьяного графа, я брезгливо взялась одной рукой за сиятельное ухо и, оттопырив его, крикнула:

– Гра-а-аф!

– А? Что? Где? – он вскочил и начал махать перед собой руками. – Что?! Что это такое?! Кто посмел?! Да как это можно?!

Тут он продрал свои отекшие глазки и, увидев меня, заблажил:

– А-а-а-а! Эвона, кто отважился! Больше такую дерзость явить никто бы не насмелился: только дочерь моя дражайшая на такие выходки способна.

Я раскинула руки, растянула губы в придурковатой улыбке и, вторя ему, воскликнула:

– Кто посмел, кто посмел… Па-па-а-а-а! Доброе тебе утро-о-о. Правда, спешу заметить, что давно уже день на дворе, а ты всё дрыхнешь. Па-па, я так рада тебя видеть!

– Да-а-а?! – граф недоверчиво посмотрел на мои распростертые объятия. – А я прямо-таки противоположные чувства испытываю! Так я опеча-а-ален! Так я раздоса-а-адован! Что открыл я свои глаза – и твою физию перед собой вижу! Чего надо-то тебе?! Чего ты мне в самое ухо орешь? Или хочешь, чтобы я болезнь сердечную заработал…

– Договаривай, папочка: одного почти в могилу свела, теперь за второго взялась. Ты ведь это хотел сказать? – Я сжала губы и легонько толкнула его. – Эти слова едва не сорвались с языка твоего…

Я не договорила «поганого», но граф понял и грозно крикнул:

– На-таш-ка! Ты не забываешься?

– Не пужай меня, папенька, не страшно вовсе. Ты бы в зеркало на себя посмотрел, и тебе бы не страшно стало. Пап, ты такой смешной… Пьяный, опухший, растрепанный ка-

кой-то…

Граф пригладил всклокоченные волосы и устыженно-примирительно ответил:

– Ну-у-у, может, я слегка помят после вчерашних возлияний, но… – начал он хорохориться, – это всё… знаешь, напускное! Вот это я быстро, быстро уберу! Ну-ка! Не смей мне тут! – погрозил он пальцем.

– Пап…

– Да перестань ты называть меня так, – тихо и спокойно, наконец перестав злиться, сказал он.

– А почему? – смеясь, спросила я. – Раздражаю я тебя? Ну, извини, – натура у меня такая, ничего с собой поделать не могу.

Он зевнул:

– С чем пожаловала? Али Валерьянычу совсем плохо? Наслышан ведь… Чем я могу тебе подсобить?

– Папе хуже не стало, но, к сожалению, и лучше тоже… Ты только не ругайся и не кричи на меня сейчас, ладно? Я кое-что у тебя попрошу.

Граф отчего-то напрягся, втянул голову в плечи и приготовился слушать.

– Пап… – я специально медлила: мне нравилось, что он в напряжении ожидает моих слов. – А где Катя? Мне очень нужно с ней посоветоваться, просто необходимо!

Граф вздохнул и хлопнул себя по коленке:

– Опоздала ты, дочь моя, со своей надобностью пришед-

ши. Нет ее здесь… и не будет более никогда! Ха-ха! – наигранно беспечно закончил он. И я догадалась, что он искренне рад этому.

– А где я теперь могу ее найти?

– Ха-а-а! Где-е-е?! В са-а-амом подходя-я-ящем ме-е-есте…

– Что ты с ней сделал? – еще плохо разбираясь в происходящем, спросила я.

– А я отдал ее, передал, так сказать, в те руки, которые смогут ее удержать.

Я нахмурила брови.

– Говори яснее, я не совсем понимаю.

– Ты хочешь ее увидеть? Хочешь поговорить?! Да-а-а?! Хм… Мне кажется, тебе это будет даже полезно! Ожидай внизу, сейчас я приду, – отрезал он.

Я не стала больше ничего расспрашивать, вышла из его комнаты, спустилась и присела на банкетку, которая стояла у двери. Граф появился довольно быстро и протянул мне листочек бумаги.

– Вот по этому адресу ты сможешь ее найти. Более не задерживай меня, я имею большие планы на сегодняшний день.

Я усмехнулась:

– Видно, я в ваши планы более не вхожу. Вот ведь, дурочка, беседовать собралась…

– Что ты там бормочешь, никак не пойму?

– Ничего, папенька, будьте здоровы, не кашляйте.

– Ну… ну, и тебе не хворать…

После того как мы с ним обменялись саркастическими «любезностями», я свернула листок, положила его в потайной кармашек за поясом и вышла на улицу.

Прежде чем отправиться на поиски Катерины, я решила навестить Анастасию Вишневскую в надежде хоть что-то услышать о Петре. Сумбурны были мои мысли… не завершив дела, я уже мчалась в другое место, подгоняемая болью внизу живота. Она не давала мне забыть о том, что произошло утром.

Я свернула на знакомую набережную и быстро оказалась перед салоном. Дверь открыла одна из работниц Насти и, пропустив меня внутрь, удивленно сказала, видно, приняв меня за обычную посетительницу:

– Барышня, помилуйте, рано еще – никого нет.

– А где хозяйка твоя?

– Музицирует.

– Дело у меня к Анастасии, докладывать не нужно, – я сбросила ей на руки плащ и прошла внутрь.

Шторы на окнах не были задернуты, и через приоткрытые окна в комнату струился свежий воздух, проветривая помещение перед вечерними посиделками. Настя сидела за инструментом, наигрывая незатейливую мелодию – «музицирует» было слишком громко сказано. Я подошла сзади и за-

крыла ей глаза руками. Она резко повернулась и, узнав меня, усмехнулась:

– Наташка, ни с кем тебя не спутаешь: больше таких духов ни у кого в Петербурге нет. Ну, здравствуй, подруга, давно не виделись. Как жизнь замужняя?

Я приняла равнодушный вид и беспечно проговорила:

– Неплохо… Что-то скучно стало, захотелось в город выехать, развеяться немного.

Настя лукаво прищурилась.

– Чего изволит наша барышня? Каких развлечений жаждет ее душа неуемная? Слышала я, родила ты недавно, так неужто дома не сидится? Кто родился, рассказывай.

– Дочка, Софийка. Она еще маленькая совсем, спит да ест. Пока с няньками да с кормилицей. А я вот у графа в гостях была да к тебе решила заехать: и впрямь давно не виделись. Рассказывай скорее последние новости…

Настя улыбнулась и остановила меня.

– Наташа, не лукавь: я знаю, о чём ты хочешь спросить!

Я с вызовом подняла голову.

– Ну так поведай мне, ясновидящая. Быть может, я сама своих мыслей не знаю.

– Ну как же? – улыбнулась она. – Думаешь, я не понимаю, зачем ты приперлась? Видела я, как он на твою свадьбу явился и какой конфуз случился… Расскажи, чем всё кончилось.

– Так нечего рассказывать, Настя: ничего и не начиналось.

– Ой ли? Лукавишь!

Чтобы хоть что-то выяснить, я выдохнула и нехотя проговорила, понимая, что отвертеться не удастся:

– Ну да, было-было!

– Это при живом-то муже, – обомлела она.

– Да ну, что ты такое говоришь?! Не торопи меня, Настя, я тебе всё-всё расскажу, но… позже. Поведай мне лучше… кто он такой? Как его фамилия? Из какого он дома?

Я присела рядом с ней на стул. Настя игриво подперла подбородок руками, облокотившись на крышку инструмента, и склонилась ко мне так близко, что я могла чувствовать ее дыхание:

– Отчаянная ты, Наташка! Петр его зовут.

– Я это знаю! А фамилия? Она тебе известна?

– Мурзинский Петр Алексеевич. Адрес, извини, подсказать не могу, так как сама не ведаю. Но знаю одно: он из не очень богатого рода.

– Да?! – деланно равнодушно удивилась я. – А мне кажется, теперь ты лукавишь… Судя и по костюму, и по манерам, этот загадочный Петр из очень хорошей семьи. Но фамилию эту я, право, в первый раз слышу.

– Моя дорогая подруга, это говорит о твоей серости. Род Мурзинских, между прочим, очень знатный… был. Правда, нынче он уже бедный, разорившийся, но фамилию эту много кто в столице знает. Странно, почему тебе это неизвестно.

– А не интересуюсь я разорившимися родами, вот и не знаю. Настя, шутки в сторону: можешь подсказать мне,

как его найти? Давно ли он у тебя не появлялся?

– Почему же не появлялся? Частенько наведывается.

– Как? А… – растерянно произнесла я.

– Да, да! А ты что думала, на тебе свет клином сошелся?! Стихи он тут теперь нечасто декламирует, всё больше с барышнями заигрывает…

– Ах, с барышнями…

– Да, Наташа, да! – сказала она с вызовом. – Смирись, душенька! Что, неприятно? Оказывается, есть еще кавалеры, которые не по тебе сохнут. Может, он и сох, но, как видишь, не сдох! – ехидно сказала она, и в голосе было что-то такое, что больно ранило не только меня, но и ее саму. – И мой тебе совет, подруга: оставь его в покое!

– Э-э-э… Ты чего это?! – удивленно воскликнула я. – Сама на него глаз положила? Как тебе не стыдно?! – вскричала я.

Настя ощерилась:

– Это ты меня устыдить пытаешься?

Разозлившись, я вышла, не сказав ей больше ни слова, и мне стало больно от того, что я поняла: «Он не ищет меня, развлекается с кем попало и даже не подозревает, что у него родилась дочь».

Горькие слёзы потекли по моему лицу. Я ощущала себя никому не нужным, никчемным созданием.

– Ох, как обидно, как обидно… – повторяла я.

Не находя сил сесть на лошадь, я взяла ее под уздцы и по-

брела по набережной. Грустно мне было. Отчего-то казалось, что я буду вот так идти, и он обязательно попадется навстречу и непременно развеет мою тоску и печаль. «Он обязательно придет ко мне – ведь я так жду его! Я зову его! Ведь когда я раньше звала Федьку, сколько бы ни было между нами верст, он всегда слышал меня и приходил».

– Петр Алексеевич, Петр Алексеевич! Я вас зову, я очень хочу вас увидеть! Пожалуйста, не прячьтесь от меня, вы мне сейчас так необходимы! – с мольбой проговорила я. Но ничего не произошло. Ни-че-го! Видно, весь этот день был настроен против меня.

Глава 214. Она ушла, чтобы однажды вернуться…

Я уже стала подумывать о том, чтобы отправиться домой, но вдруг вспомнила о цели своего приезда в город. Сунув руку за широкий атласный пояс, достала листок, который передал мне граф, и вскочив на лошадь, отправилась на указанную улицу на окраине.

Подъехав к дому, я внимательно осмотрела его, и смутная тревога закралась в сердце. Дверь мне открыла немолодая пышная дама, одетая в богато расшитый шелковый халат и с длинной тонкой дымящейся трубочкой в руке. Оглядев меня с ног до головы, она удивленно качнула слегка неопрятной кудрявой шевелюрой и, затянувшись, спросила:

– И что же понадобилось здесь столь богато одетой барышне? Неужто на работу нанимаетесь?

– Нет, – пожала я плечами. – Я ищу одну женщину.

– Вот оно как?! – удивившись, она ехидно переспросила: – Здесь?

– Да, а что такого?

– Здесь, конечно, часто ищут девушек или молодых женщин. Но обычно это делают особы мужского пола.

И она, похабно хохотнув, ощерилась, показав отсутствие нескольких зубов. И я с ужасом поняла, в какого рода заведе-

ние граф определил Катю. «Боже, неужели он сотворил с ней это?! Насколько изощренным в своей мести надо быть, чтобы вот так жестоко расправиться с ней. Это ведь хуже тюрьмы, хуже смерти для нее! Он продал ее, как вещь…»

– А-а-ах, – коротко выдохнула я и ужаснулась. «Продал»: смысл этого слова заставил меня содрогнуться. «Боже мой! Несчастная моя Катя, я должна ее увидеть!»

– Мне нужна Катя Серебрянская. – Я еще слабо надеялась, что граф определил ее сюда не так давно и, возможно, я успею что-то для нее сделать.

– Милочка, у нас тут по фамилии никого не зовут. Катерина… – смачно затягиваясь, она на мгновение задумалась. – Кажется, я знаю, о ком ты говоришь. А мне вот интересно, на что она такой фифе сдалась?

– Я просто хочу ее увидеть.

Женщина как-то странно улыбнулась.

– Ну заходи, коли так, может, хоть ты ее в чувство приведешь. Болящей она последнее время сказывается.

Надежды мои от этих слов рухнули.

– Ну, что рот открыла? Подниматься будешь, али как? – прикрикнула «мадам».

Страх ледяными кандалами сковал мое тело. Я боялась перешагнуть порог этого дома, зная, что за ним скрывается. Единожды я уже побывала в таком заведении, и мне совершенно не хотелось повторять это приключение. Но я жаждала увидеть Катю и поговорить с ней, узнать, как я могу под-

держать ее и, может быть, помочь. И поэтому я закрыла глаза и шагнула. Тетка со смехом прикрикнула:

– Чего жмурисся? Боишься, что ли? Не бои-и-сь! Насильно никаво не заставля-я-яем.

Подобрав юбки, я осторожно последовала за ней по лестнице, брезгливо опасаясь к чему-либо прикасаться.

– Шевели ножками-та-а. Здесь она. Может, хоть ты ее в чувство приведешь. Совершенно не знаю, что с ней делать! Одни убытки!.. Убытки одни, никаких доходов! – сокрушалась хозяйка.

Поднявшись на второй этаж, она с силой распахнула одну из дверей и сразу ушла. Я попала в комнату, где на кровати лежала Катя и смотрела в потолок.

– Катерина, – тихонько позвала я. – Катя, Катенька, что он с тобой сделал?

Я подошла ближе. Катя, узнав мой голос, поднялась на локтях и села.

– Ах-х, – усмехнулась она грустно, – Наташа, я и не чаяла еще раз увидеть тебя. Как ты меня нашла?

Она была всё так же красива, но показалась мне очень усталой – уставшей от жизни. Что-то обворожительное навсегда ушло из ее облика: глаза потухли, перестали манить – в них не было света, не было огня и страсти.

Я грустно оглядела комнату.

– Как ты здесь оказалась?

– Разве тебе нужны объяснения? – Катя горько усмехну-

лась. – Я думаю, они излишни. Зачем ты искала меня, Наташа? Ты хотела мне что-то сказать? Или спросить о чём-то?

Невольно я прижала руку к больному месту, но слова застряли в горле: видя ее плачевное состояние, мне было стыдно начинать жаловаться на свою судьбу. Мудрая Катя всё поняла без слов.

– Он ударил тебя, тебе больно?

Я кивнула.

Катя с нежностью погладила меня по руке.

– Милая моя девочка, это не та боль, от которой следует плакать. Я правильно понимаю, что такое произошло не впервые?

Опустив голову, я молчала: ей не нужен был ответ.

– Ты присаживайся и вот послушай, что я тебе скажу. – придвинув стул, я села возле Катерины. Немного помедлив, она продолжила. – Да, неприятно, но эта боль не страшная, ее можно стерпеть. Самая сильная боль, уничтожающая тебя, это та, которая рвет твою душу, раздирает тебя изнутри. Такую не может принести ни один кулак, ни один пинок.

– А что же делать с кулаками и пинками? – запальчиво спросила я. – Он что, теперь всё время будет меня бить? Катя, что мне делать?

– Ты мудрая девочка… Постарайся не провоцировать его.

– Я больше не хочу с ним оставаться, я убегу!

– Поздно! – Катя горько улыбнулась. – Поздно, моя милая! Не послушалась ты, когда все тебе говорили… А теперь

пожинаешь плоды своего выбора. Ты разрешилась от бремени… кто же у тебя родился?

– Дочка, я ее Софийкой назвала.

– Так куда же ты теперь побежишь, моя милая?

Она села, улыбнулась и протянула руку, чтобы погладить мою щеку. Я прижалась к ней и сказала:

– Да хоть на край света, лишь бы подальше от него!

Я рассказала ей всё, что случилось со мной в последнее время. Речь моя была сбивчива, я волновалась, а Катя нежно смотрела на меня и улыбалась уголками губ. Выслушав, она мягко похлопала меня по плечу:

– Тише, моя девочка, тише. Остановись, прислушайся – и получишь ответы на все свои вопросы.

Глаза Кати оживились. Она спустила ноги с кровати, взяла мои руки в свои ладони и, нежно посмотрев мне в глаза, почти прошептала:

– Милая моя девочка, как я рада, что ты всё же нашла меня…

Я смотрела на нее широко распахнутыми глазами, и мне казалось, что жизнь вот-вот вернется к ней и что уже замерцали, заплясали те самые огоньки… И я сама потянулась, чтобы прикоснуться к ней губами. Но она, улыбнувшись, остановила меня и тихо сказала:

– Нет, Наташа, не сейчас и не здесь. Пусть всё будет правильно.

Моя душа была в смятении.

– Катя, мне так жалко тебя. Не хочу видеть тебя в этом доме, пойдем отсюда!

Она с той же спокойной улыбкой произнесла:

– Нет-нет. Нет! Разберись лучше со своей жизнью! У тебя может не хватить ни времени, ни сил на нас двоих. Слишком много открытых дверей…

– Что ты имеешь в виду?

– Отдай свой долг! И тогда ты снимешь кандалы со своих ног и станешь свободна…

Мне были непонятны ее странные речи:

– О чём ты говоришь? Какие кандалы?

– Как бы тебе получше объяснить?.. Наташа, я скоро уйду…

Сердце мое сжалось, и я почти закричала:

– Нет-нет! Я спасу тебя, не оставлю в этой беде! Я немедленно увезу тебя отсюда, ты больше ни секунды не останешься в этом смрадном месте. Катя, давай убежим вместе? Мы с тобой уедем за границу, во Францию, там нас никто не найдет, и ни один тиран больше не сможет причинить страдания ни тебе, ни мне. Я сегодня же перевезу тебя в наше дальнее имение и буду готовиться к отъезду. Ты согласна, Катя? Мы и дочку с собой заберем! – вдохновенно восклицала я.

– А отца своего ты бросишь?

– Нет! Нет! Я обязательно что-нибудь придумаю.

– Успокойся, не тараторь. Дни мои сочтены… Но я открою тебе один секрет… – Катя какое-то время внимательно

но всматривалась в мое лицо, видно, решая, смогу ли я понять то, что она хочет мне поведать. – Есть проклятие моей души… Всякий раз перед тем, как покинуть этот мир, моя душа, еще теплящаяся в бренном теле, осознает все свои воплощения… И вот сейчас это знание пришло ко мне. Наташа, это не бред воспаленного сознания! Несмотря на телесные метаморфозы, ты всё же узнала мои глаза… Я знаю тебя так давно, что ты даже представить себе не можешь… И где бы ты ни была, моя душа из жизни в жизнь всегда находила твою…

Я моргала, сглатывая слёзы и раскачиваясь из стороны в сторону.

– Я не понимаю ничего из того, что ты говоришь, Катя! Разве после жизни может быть какая-то другая жизнь, возможно ли такое?..

– Я постараюсь объяснить, а ты слушай и запоминай. Смерти как таковой вообще нет – это лишь одна из множества метаморфоз, которые составляют сущность бытия. Есть нечто, что не может быть уничтожено смертью, – душа. Она существовала вечно и будет существовать всегда…

С жалостью смотрела я на Катерину: «Она больна и сама не понимает, что говорит», – подумала я, но перебить ее не решилась.

– Помнишь, Наташа, когда граф ворвался в твою спальню, я сказала, уходя, что сделала выбор? – всхлипнув, я качнула головой в знак согласия. – Так вот, спасать меня, забирать

из этого места не нужно. По правде сказать, я не сетую на то, что вот так заканчиваю свои дни. Теперь я знаю, что таким извращенным образом уплачу ту мзду, которую должна – отдам все долги. И вот тогда я смогу наконец-то снять с себя оковы.

Наташа, бессмысленно надеяться, что вместе с гибелью тела сами собой исчезнут и твои долги… И если остался у тебя какой-то долг перед человеком из прошлой жизни, значит, необходимо его вернуть. Не сделать этого значит обрекать себя на повторение ошибки из жизни в жизнь. Недостаточно перейти в мир иной: нужно, чтобы перемена произошла внутри тебя, вот тогда есть надежда в будущей жизни стать поистине свободной.

Катя внимательно смотрела на меня, словно проверяя, поняла ли я, что она говорит. И вдруг добавила:

– Ты должна ждать меня!

– Господи, я сейчас с ума сойду! – в отчаянии воскликнула я. – Ты сама-то слышишь, что говоришь? То ты скоро умрешь… то тут же требуешь ждать тебя. Я запуталась, я уже ничего не понимаю.

Она словно не слышала и, не отвечая на вопросы, продолжала говорить, вводя меня в состояние, близкое к ступору:

– Мы с тобой обязательно встретимся! И пусть ты не будешь помнить моего лица, моих черт, не будешь знать, как меня зовут… То, что мы встретимся вновь, дает мне силы уйти из этого мира счастливой, простить своих обидчиков

и не держать камня за пазухой.

Она смотрела на меня, и лицо ее светилось от какого-то непонятного счастья.

…И вдруг у меня перед глазами всё поплыло и пронеслось множество видений: я снова бежала навстречу этим очам, карим омутам, которые манили меня. Но видела я не Катю… Я не узнавала ее лица, только эти глаза, которые любили и ждали меня… Это был взгляд очень дорогого мне человека. Только я его еще не знала…

Это продолжалось лишь мгновение. Я замотала головой, пытаясь сбросить наваждение ее завораживающего голоса:

– Катя, я мало понимаю… То, что ты говоришь, не обнадеживает меня, а, по правде сказать, больше пугает.

Она смотрела на меня ласково и улыбалась:

– А я и не требую, чтобы ты поняла истинную природу моих слов. Я хочу, чтобы ты просто их услышала, чтобы эти слова остались в твоей голове, возможно, так тебе легче будет многое пережить. Поверь, дух любви никогда не исчезает, он имеет под собой глубокую основу. Ты была прекрасной женщиной – царицей, почти богиней, а я сильным и мудрым воином, властелином огромной империи. Мы любили друг друга так сильно и страстно, что могли вызвать зависть Богов… Человек, питающий к другому истинную любовь, соединяется с ним нерушимой связью. При новом рождении, таком, как у нас сейчас, связь всё равно остается, хотя бы

в виде безотчетной симпатии, и неважно, родился ты мужчиной или, как я, в женском теле. На более высокой ступени развития мы сможем вспомнить все предыдущие жизни, и это будет уже не проклятие, а награда. Тогда появится возможность сознательного общения с тем, кого ты полюбил вечной любовью.

У меня после ее объяснения осталось больше вопросов, чем ответов. Я смотрела на Катю, не в силах пошевелиться. Я чувствовала, что она знает и понимает то, что для меня пока непостижимо.

Катерина тронула меня за руку:

– Теперь иди! – твердо сказала она и тихонько подтолкнула меня к выходу.

– Катя, прости меня за всё, не гневайся, что я бывала чересчур груба с тобой и порой злилась на тебя.

– Милая моя девочка, что ты такое говоришь? Я ведь так люблю тебя! Помни обо мне только хорошее.

– Катя, я не хочу уходить! – с мольбой посмотрела я на нее. – Хочу еще немного побыть с тобой.

– Нельзя! – тихо ответила она. – Не оскверняй себя, находясь в таком месте.

Катя глубоко вздохнула и тихо продолжила:

– Как же я вновь хочу быть с тобой, как страстно я этого желаю! Но это не наше время и не наша с тобой жизнь! Наша жизнь впереди… и это обязательно произойдет, слышишь?!

Когда мы обе будем свободны… тогда будет всё правильно. И никто, слышишь, никто не сможет встать у нас на пути, не сможет быть нам преградой. А сейчас… я отпускаю тебя. Я говорю тебе: у-хо-ди! Но обернись! – чуть повысила она голос. – Посмотри на меня в последний раз перед тем, как откроешь Мою Дверь.

Она погладила меня по волосам, и от ее прикосновений у меня спутались мысли, по всему телу побежали мурашки. Я едва не заплакала от нахлынувших чувств: я одновременно и жалела ее, и знала – я не хочу ее покидать, не желаю терять навсегда! Так почему же она гонит меня?..

– Ну зачем ты расстраиваешься? Прекрати немедленно! – всё так же нежно смотря на меня, потребовала Катя. – Не хочу видеть твоих слёз! Зачем ты омрачаешь мою радость? Мы чужие с тобой в этой жизни, она нам не принадлежит! Но это только пока… Я обещаю, мы будем с тобой, будем вместе!

– Я уже ничего не понимаю. Катя, мне кажется, у тебя лихорадка и ты бредишь. Давай я отвезу тебя к доктору?

– Ах, – тихо засмеялась Катя, – душа моя, я здорова, как никогда ранее! Как много предстоит тебе узнать и понять… Казалось бы, несуразно нелепой была наша встреча в этой жизни, но… Вот что открылось мне: оказывается, все мы сошлись не случайно. От сотворения Мира мы знаем друг друга, в разных ипостасях встречались. Наши души, приходя в этот мир, учатся быть свободными в любви, помогать друг другу обрести и накопить духовные и душевные силы.

Только сильным душам даются сильные уроки. Невозможно человеку даровать спасение извне: он должен сам справиться со своим злом. Бог ставит душу в такие ситуации, которые покажут ей ничтожность зла и силу добра. Для этого и нужно, чтобы душа продолжала жить после физической смерти, получая новый опыт. Всякое зло искупается страданиями – до тех пор, пока сердце и душа не станут чистыми. Для такого исправления нужно время, оно не может произойти в пределах одной короткой земной жизни. Вот в вашем союзе пусть Федор первым откроет Твою Дверь, проводит тебя… А ты, победив перемены Судьбы, вновь появишься на Этом Свете, как Афродита из морской пены… и я буду ждать тебя.

– Ты хочешь сказать, что я увижу тебя вновь? – до меня вдруг стал смутно доходить смысл ее слов.

– Всё то время, что мы разговариваем, я пытаюсь убедить тебя в этом.

– Там? – я подняла палец вверх.

– Нет, дорогая моя, – здесь! Только не сейчас, не в этой жизни, но это обязательно произойдет.

– Что значит, «Федор первым откроет мою дверь»?

Она вновь ответила уклончиво:

– Я желаю тебе скорейшего освобождения. А себе – скорейшей нашей встречи. А теперь иди, но оглянись перед тем, как покинешь мою комнату!

Я медленно пошла к двери. Мысли путались, я уже готова

была уйти, но, помня Катину просьбу, обернулась и взглянула в ее лицо, чтобы навсегда запомнить глаза.

…Я не знаю, сколько должно пройти времени, не знаю, сколько должна буду увидеть людей, но тогда я четко осознала: пусть передо мной промелькнут сотни или даже тысячи лиц – я узнаю! Узнаю ее глаза! И обязательно их найду…

С тех пор я больше никогда не видела Катю. Донеслись до меня слухи о ее кончине от непонятной болезни. И только одна я знала, что стало причиной ее смерти.

Я еще очень долго помнила Катины слова. Проходя по улицам, всё как будто видела у прохожих этот взгляд, пыталась найти среди лиц знакомые глаза, похожие на ее. Но никаких результатов это не принесло, и со временем я стала забывать ее образ. Он совсем стерся из моей памяти, забирая с собой и слова, которые когда-то были мне сказаны.

Глава 215. «Помощь» в пути…

Вернувшись домой, я прошла мимо собравшихся внизу домочадцев, не удостоив их объяснениями, где была. Сидя на своей кровати, я судорожно сжимала подушку, впиваясь в нее зубами, чтобы заглушить разрывающие душу рыдания.

Федор поднялся за мною следом и ровным тоном, словно ничего между нами не произошло, спросил:

– Чего белугой ревешь, аль случилось что? Ты так стремительно уехала… я и догонять не стал. Подумал, охолонешь маленько да и вернешься. К графу посыльного отправил, узнал, что ты у него была, но на обратном пути чего-то задержалась. Так где тебя носило?!

Я не в силах была что-то ответить, лишь глухо выла от бессилия, вспоминая Катю. Не дождавшись объяснений, Федор махнул на меня рукой:

– Чего я с тобой, с болезной, разговариваю? Как успокоишься, так и приходи.

Я продолжала сжимать подушку. Мне хотелось затолкать ее внутрь, дабы попытаться заткнуть брешь, образовавшуюся в душе и несущую нескончаемую боль. Я прижимала подушку к груди и яростно била по ней кулаками, но боль только усиливалась. «Я ее потеряла! – звенела в голове одна мысль. – Что-то очень важное ушло!»

Служанка принесла успокоительный отвар, и я его выпи-

ла. Свернулась калачиком и стала слушать, как успокаивается мой воспаленный разум и на смену дикой боли приходит тупое равнодушие. «Господи, я на самом деле осталась совсем одна… некому мне больше поведать ни о своих бедах, ни о своих чаяниях».

Забывшись недолгим сном, я вновь увидела лицо Кати… Оно стало расплываться, и только ее глаза-омуты неотрывно смотрели на меня. Я услышала: «Не смей плакать! Наши жизни – всего лишь капля в океане вечности… Мы все уйдем, кто-то раньше, а кто-то позже… Но настанет время, и мы обязательно встретимся… Помни это!»

Когда я очнулась, в комнате было совсем темно. Прислушавшись к своим ощущениям, я обнаружила, что ни боли, ни тоски больше не испытываю. «Ну что же, – спокойно рассуждала я, сбрасывая тяжелое платье, словно чехол от моих тягостных мыслей. – Ежели так суждено, то не имеет смысла противиться… Думать мне нужно не о Кате, тут я всё равно ничего не исправлю, – я глубоко вздохнула, – а о самых дорогих мне людях – папе и дочке. От меня напрямую зависят теперь их жизнь и здоровье».

Переодевшись в домашнее, я отправилась в комнату Софийки.

Приоткрыв дверь, увидела склонившегося над колыбелькой Федора, он что-то ласково нашептывал дочери. Мне стало интересно, и я затаилась.

– …Твоя мама, доченька, очень хорошая, знаешь, как я люблю ее… и ты обязательно вырастешь такой же красавицей, как она. Ты подрастешь, моя маленькая принцесса, твой папа станет важным военачальником, ох, как мы тогда заживем… – мечтательно произнес Федор. – Ты обязательно будешь гордиться своим папкой… И твоя мама наконец поймет, что я слов на ветер не бросаю.

Мне показалось, он почувствовал мое присутствие и именно поэтому произнес все эти слова, которые я должна была услышать. Плотнее закрыв дверь, чтобы обозначить свое присутствие, я направилась к дочери и, присев у колыбельки, взяла ее крошечную ладошку. Софийка, словно обрадовавшись, задергала носиком и замахала ручонками, как бы приветствуя маму.

Федор присел рядом и обнял меня, но я передернула плечами и сбросила его руку.

– Что же мы с тобой, Наташка, всё время ругаемся? Зачем нам это? Вот, какое у нас сокровище – наше маленькое, сладкое, румяное яблочко. Ты посмотри, как она подросла, какая кругленькая стала. Вот хотя бы ради нее мы должны любить друг друга. Давай попробуем не изводить себя ненавистью, Наташа…

Я смотрела в его глаза, и душа не отзывалась на призыв.

– Давай попробуем… – равнодушно повторила я.

Поцеловав дочку в лобик и видя, что Софийка засыпает, он тихо произнес:

– Моя девочка, мое сокровище! Ты самое дорогое, что есть у меня на этой земле!

Я надеялась, что он еще что-то добавит, скажет и мне не менее нежные слова, но… он только поцеловал меня в лоб, как покойницу, и вышел.

Мы остались вдвоем. Сложив руки на краю колыбели, я тихонько покачивала ее и всё смотрела в сонное личико своей маленькой дочки. Я так сильно любила ее в тот момент… и вдруг поняла, что доселе не испытывала подобных чувств. Испугавшись их силы, я подумала, что нужно скорее остановить этот безграничный, бесконечный поток любви, который вдруг начал вырываться из меня. Мне казалось, что, если я сейчас выплесну всю свою любовь к дочери, то для меня самой ничего не останется. А я знала, что у меня всегда должна оставаться крупица любви, чтобы согреваться, потому как больше согревать меня было некому.

Я отказалась от намерения забрать дочь в свои покои: «Пусть остается всё как есть. Что может дать ей мать, у которой нет больше уверенности, что она любима, и почва с каждым днем всё стремительнее уходит из-под ног…»

Жестом подозвав няньку, я направилась к двери. Выйдя в коридор, облокотилась о стену и ощутила вокруг себя безжизненное безвоздушное пространство. Мне не хватало кислорода, я чувствовала себя рыбкой, выброшенной на берег. Окружающая пустота стала давить на меня, и я сделалась совсем крохотной, беспомощной… Мне просто необходимо

было увидеть отца. Пусть он не мог сейчас крепко сжать меня в своих объятиях, где я привыкла прятаться от целого мира, но мне нужна была хотя бы иллюзия этих ощущений.

Дверь его комнаты была немного приоткрыта, свет ночника пробивался сквозь щель, и я заглянула внутрь. Папа лежал на подушках, а рядом с ним я, к своему удивлению, увидела мать Федора. Она сидела на стуле и что-то говорила отцу, держа его за руку. Это насторожило меня, я незаметно прошла в комнату и прислушалась. Фекла была увлечена собственными речами и поэтому не сразу заметила меня, а вот я смогла услышать всё, что она говорила. Как ни странно, она на свой деревенский манер пыталась его утешить, и в ее голосе звучало уважение.

– Ну, что, Валерьяныч, совсем худо тебе? Вот беда-то… не ходячий ты у нас сделался. Жалко тебя, конечно, мужик ты хороший. Эвон какой статный был: как, бывало, мундир свой наденешь, тебя издалека видать. Эх, будь я чуток помоложе… да кабы собственные детки по кускам меня не растаскивали, могла бы и на ноги тебя поставить, и спутницей твоею сделаться… – сокрушалась свекровь.

Тут уж я не смогла удержаться и, несмотря на трагичность ситуации, прыснула в кулак. Фекла тут же резко обернулась и недовольно хмыкнула.

– Ах, это ты, Наташка… Всё подслухиваешь? Ну чего ты там топчесся? Ближе иди, давай посидим вместе. Садись вон

с другой стороны и тоже руку его возьми. Быть может, почувствует он, что ты пришла, и глаза откроет.

Я сделала, как она велела. Спорить не было никакого смысла… да и не хотелось.

– Ну, Наташа, – сказала она, словно оправдываясь за свои слова, – жалко ведь мужика, даже несмотря на то, что он тебя где-то там подобрал, воспитал и вырастил на мою беду и погибель… Жалко, ох как жалко смотреть на него в таком состоянии. Потому как не должен сильный, здоровый мужик, к армии причастный, так вот просто бревном валяться.

Я взяла руку папы и позвала его:

– Папочка, это я пришла… Ты меня слышишь?

Веки отца стали подрагивать, он повернул голову в мою сторону, приоткрыл глаза, едва заметно сжал мою руку, но ответить не смог. Так мы и сидели какое-то время, безмолвствуя, пока моя дорогая свекровь не открыла рот и не нарушила эту священную тишину.

– Наталья, – я подняла голову, – а помощь-то в пути. Она скоро прибудет сюда, и станет тебе полегше.

Я скорчила пренебрежительную гримасу.

– Мне совсем не тяжело, матушка. Я сама буду ухаживать за папой.

– Ну-у-у, – протянула она, – ты посмотри на ручки-то свои белые. Никогда они черной работы не знали. А не боишься, что пальцы твои огрубеют, что ноготки пообломаются? Что ж ты тогда делать-то будешь?!

Я усмехнулась ее словам:

– Ну, не настолько я, бабушка, слаба, чтобы ручки мои огрубели, а ноготочки обломались. Так что об этом прошу вас не беспокоиться.

…Если бы я только знала, что за «помощь» скоро прибудет…

Фекла отвернулась от меня, нервно дернув плечами, и сухо спросила:

– А сынок-то мой где ж сейчас?

Я равнодушно ответила:

– Не имею представления, где ваш сын.

– Ну вот поди и узнай, чай, жена. А мы с Валерьянычем еще немного тут побудем.

Я уже хотела возразить, но потом подумала: раз она ничего плохого ему не говорит, как я сама смогла убедиться, значит, я спокойно могу оставить их вдвоем. «Возможно, и лучше будет папе, если она скрасит его одиночество своими разговорами». Эта мысль показалась мне разумной, и я вышла из комнаты со спокойной душой. Плотно притворив за собой дверь, я какое-то время стояла, прислушиваясь. Она словно чувствовала мое присутствие и крикнула из-за закрытой двери:

– Иди-иди! Мужика свого лучше найди да позаботься об ём, чем здесь без дела простаивать.

Время было позднее, да и день получился тяжелый, так что я медленно побрела ложиться спать – с надеждой, что

завтрашнее утро принесет с собой свежий ветер. «И пусть новые мысли и новые планы родятся у меня в голове, пусть темнота и тоска отступят, и новый день подарит мне свет».

Федора в комнате не было, но я и не хотела его видеть. «Возможно, он пьет… Или очередную нечестивую девку в каком-нибудь углу зажал… пусть! Ни видеть, ни слышать его я пока не могу, – на душе вновь стало гадко. – Как же мы с ним будем жить дальше? Всё, достаточно, – остановила я поток своих сожалений, – не хочу сейчас об этом думать! Всё завтра, завтра…» – проваливаясь в глубокий сон, решила я.

…Мне снился Петр. Мы держались за руки, я смотрела в его лицо, а он повторял мне слова любви. И я, внимая, тянулась к нему всей душой. Но вот он стал отдаляться, а я всё силилась приблизиться к нему, мне было просто необходимо, чтобы он заключил меня в объятия… Но он был словно ускользающая струйка песка, просыпающаяся сквозь мои пальцы. И я никак не могла его поймать, сколь ни старалась…

Глава 216. Меланья

Проснулась я от резкого храпа и с удивлением обнаружила лежащего рядом Федора. Впервые за долгое время он изволил започивать в нашей комнате, и от него противно пахло перегаром вчерашних возлияний. Он завалился на кровать, не раздеваясь, и это навело меня на мысль, что явился он, в сильном подпитии, уже под утро. Рулады, которые он выводил, раздражали меня, и я толкнула его в бок, но Федька, буркнув, захрапел еще сильнее.

Эта картина никак не вязалась с виденным мною во сне. Минуту я с пренебрежением взирала на своего мужа и вдруг отчетливо поняла, куда и зачем сегодня направлюсь.

– Ну и валяйся тут, как поросенок, мне это только на руку: так ты не сможешь помешать моим планам.

От принятого решения меня слегка потряхивало. Еще не зная зачем, я уже отчетливо понимала, что мне нужно сделать.

Надев домашнее платье и приведя в порядок лицо и волосы, я устремилась вниз. Нужно было быстро позавтракать, навестить дочку и папу и, отдав распоряжения прислуге, ехать в город – навстречу свежему ветру нового дня.

Время уже близилось к полудню, и я слышала, как мать Федора командует, что ей подать к обеду. Фекла вставала ра-

но и, как правило, когда я только завтракала, она уже обедать изволила. «Освоилась бабушка, лихо приказания раздает», – усмехнулась я. И дабы не встречаться с ней в столовой, попросила подать мне завтрак в гостиную.

На столе уже стояла свежая выпечка. Я схватила булку и быстро сунула в рот. Будоражащие мое сознание мысли мешали наслаждаться вкусом пищи. Я думала о нём… о Петре.

Наспех позавтракав, я вскочила, обдумывая дальнейшие шаги. От волнения мне не сиделось на месте. Как только я опускалась на стул, меня тут же подбрасывало, и я начинала кружить по комнате, представляя себе то одно, то другое развитие событий с моим милым Петенькой, коего я так давно не видела, но всё еще помню. Я словно была опьянена радостью грядущей встречи. В тот момент я не могла даже помыслить, что мои чаяния не сбудутся, не позволяла себе обратить взор в иную сторону.

Поток радостных мыслей уносил меня к небесам: «Я обязательно найду его сегодня, даже если потребуется силой вытрясти из Насти его адрес! И она мне его скажет. Да что там скажет: сама отвезет ему записку! А он… узнав, что я жду его, непременно захочет меня увидеть!»

Но тут я услышала приближающиеся голоса и шаги. Двери раскрылись. Первой вошла Фекла, жестом приглашая следовать за собой девушку. Но та, по всей видимости, робела переступить порог и переминалась с ноги на ногу. Меня это

заинтересовало и, пересев в глубокое кресло напротив двери, я стала с интересом наблюдать, что произойдет дальше. Фекла Федоровна уверенными, размашистыми шагами прошла на середину комнаты и скрипучим голосом позвала:

– Милка! Чего ты мнешься? Ну! Смелее, дочка, проходи-проходи, не боись. Вот и барышня наша проснулася, сейчас знакомиться будем.

Робко переступив порог, девушка застыла на месте, чуть опустив голову. Она была невысокого роста, крепкая, одетая в домотканый сарафан и серую дорожную накидку, чепец она держала в руках. Но что меня удивило, так это ее прическа, необычная для деревни: не очень длинные темные волосы были свободно подвязаны лентой и ниспадали на плечи. Выглядела она опрятно и скромно, так что неприязни к ней у меня не возникло.

Девушка передала подоспевшей служанке накидку и дорожный чепец, а котомку, сняв с плеча, двумя руками держала перед собой, точно боялась, что ее кто-нибудь украдет. Я жестом велела подойти поближе. Не поднимая головы, она робкими маленькими шагами подошла и присела в знак приветствия в неглубоком неуклюжем книксене.

– Здравствуй, девица. Ты голову подними да расскажи мне, кто ты, откуда, как тебя зовут и с чем ты пожаловала в мой дом.

– Доброго дня, барышня, – ответила она. – Меня зовут Меланья, а пожаловала я в ваш дом с добром, как получила

от бабы Феклы приглашение. Узнала я от нее, что ваш отец находится в глубоко болезном состоянии. С тем и прибыла, ухаживать, значится, за им.

Я молчала, внимательно всматриваясь в ее карие глаза, и что-то легким звоном отозвалось внутри. «Что это? О чём меня предупреждают?.. Может, хоть раз в жизни всё-таки стоит прислушаться?..»

– Барышня, не извольте беспокоиться, – торопливо заговорила она вновь. – Я давно знахарством занимаюсь, большой опыт ухода за недужными имею. Так что всё сделаю должным образом, комар носу не подточит. Всегда отец ваш будет чистый, сытый, и за разговорами со мной не заскучает. А ужо как я травы знаю…

Я склонила голову набок и еще раз оглядела ее сверху донизу.

– Говоришь, опыт большой ухода за больными имеешь? Училась у кого? Как навыки лекарские приобрела?

Меланья раскраснелась и начала нахваливать себя, всплескивая руками:

– Так навыков-то я, барышня, приобрела великое множество. Бабка моя, травница, всему меня обучила. Настойку от любой хвори сотворю, каждую травку знаю, что к чему понимаю, а уж больных-то через мои руки прошло – не счесть. Вы не смотрите, что я молода ишшо: с детства с бабкой своей за хворыми ухаживала, а как померла она, сама этим промышляю.

Я всё более внимательно вглядывалась в ее лицо, и это «промышляю» неприятно резануло слух.

– Так… расскажи подробнее, как и чем ты «промышляешь».

– Ну… Это… Довольны все, – чуть смутившись, объяснила она. – Кто деньгу даст, а кто припасами отблагодарит. Но довольны родичи болезных-то, довольны. Потому как хороший уход я им обеспечивала и работы грязной не гнушалась.

Она посмотрела на Феклу Федоровну, ожидая подтверждения своих слов, и свекровь тут же откликнулась:

– Сущую правду Милка сказывает. В деревне у нас она на вес золота, как есть самородок. Вся Тютюревка к ей в очередь выстраивалась, она от всяких хворей подмогнуть сумеет. Где-то травку нужную приложит, кому отвар волшебный сделает, чтоб боли не чувствовать, а где-то просто добрым словом немощного поддержит. Травы сама собирает, всё-всё про их знает. Так что, барышня, не извольте беспокоиться, уход за Валерьянычем будет в самом лучшем виде!

Вставая, я легонько хлопнула ладошкой по коленке.

– Ну хорошо! Коли ты такая кудесница, тогда пойдем! Я отведу тебя в покои к отцу и познакомлю с ним.

Меланья угодливо засуетилась.

– Да-да, барышня, конечно. Только разрешите мне с дороги немного в порядок себя привесть. Ну не могу же я столь знатному господину в таком виде показаться.

Мне стало даже интересно.

– А что тебя в твоем виде не устраивает?

Я стала прикидывать в голове разные варианты ответа. Поймав мой пристальный взгляд, Меланья засмущалась.

– Ну-у-у, дайте хочь волосы под платок подберу. Чтобы не осыпались и в лицо при осмотре не лезли.

Меня несколько удивил ее ответ. «А что? Девушка и впрямь чистоплотная, о лекарском деле говорит с толком и пониманием. И не вызывает сомнения, что много практики имела». Я с облегчением выдохнула, обрадовавшись, что за отцом будет должный уход.

– Если всё будет так, как ты говоришь, и я увижу, что ты помогаешь папе, то не поскуплюсь и щедро отблагодарю тебя за старания. Тебе будет выделена отдельная комната рядом с покоями отца, чтобы он в любое время дня и ночи был под твоим присмотром. Остальное тебе Фекла Федоровна покажет. Если особые просьбы будут – выслушаю, ради своего батюшки я на многое готова.

Она смущенно улыбнулась и, опустив глаза долу, ответствовала:

– Барышня, девушка я скромная, в строгости воспитанная, к тяжелой работе привыкшая и ни о какой барской роскоши не помышляю. Предназначение свое вижу в том, чтобы сирым и убогим помогать.

Я резко вздернула голову, отметив, что, чем больше она меня убеждает, тем сильнее я сомневаюсь в чистоте ее по-

мыслов.

– Да, пока он беспомощен, но не одинок, и я думаю, если ты такая завзятая травница, то сможешь поставить его на ноги. И с чего ты взяла, что мой отец сирый и убогий?!

– Ну как же, барышня? Если с ним такое приключилось, значит, в чём-то провинился он пред Небесами. Значит, за что-то наказан!

Мне не очень приятны были ее суждения.

– А веришь ли ты в Небеса? – спросила я.

– Ну а как же, барышня? – голосом невинной овечки ответила Меланья. – Во что же тогда верить-то?

– Ну как во что верить в твои-то годы? – усмехнулась я. – В любовь. Странны мне слова твои: девушка должна о семейном счастье мечтать, а ты вишь какая праведница…

– Для каждого у Господа своя дорога. У меня вот такая…

Она смущенно опустила глаза, и этот ее картинный жест показался мне фальшивым. И уже сложившееся хорошее впечатление от встречи с этой лекаркой стало развеиваться.

– Пойдем, Меланья, не будем задерживаться. Волосы ты и наверху подберешь. Я тебя с папой познакомлю: от меня и больше ни от кого он должен помощь принять.

Шурша сарафаном, она семенила за мной, и я спиной ощущала ее прерывистое дыхание, отчего-то чувствуя себя из-за этого незащищенной. Я успокаивала себя: «Приеду из города, пригляжусь к ней повнимательнее. Что-то меня настораживает в этой „благочестивой“ девахе: похоже, не так

проста она, как хочет казаться. Ну да ничего, я ее быстро на чистую воду выведу. Жаль, что Вера наотрез отказалась приехать и ухаживать за папой… Вот бы кто точно сумел ему помочь».

Собираясь подняться на второй этаж, наверху лестницы я увидела Федора. Он уже успел привести себя в порядок и, сияя как медный таз, наигранно весело крикнул:

– Наталья, душа моя, ты ли это?

– Да, муж мой. – Я решила показать, что более не сержусь: выяснение отношений с ним сейчас могло помешать моим планам.

Он быстро сбежал по лестнице и с лицедейским пафосом расцеловал меня в обе щеки.

– Доброго утра тебе, женушка. Завтракала ли ты? Быть может, хочешь составить мне компанию в трапезной?

– Я уже поела, Федор. Меня ждут другие дела.

Он заглянул мне за спину и несколько удивился.

– А это кто, Наташ? Кажется, мне знакомы ее черты…

Меланья стояла, низко опустив голову.

– Ну же, барышня, глаза-то подними.

– Какая она тебе барышня?! – резко спросила я. – С ума что ли сошел? Это, между прочим, землячка твоя, из вашей глухой дыры приехала!

Я еле сдерживала себя, сама не понимая, почему так взвилась: «Как только язык его поганый повернулся назвать ее

барышней?! Ослеп, что ли, девку деревенскую от барышни не отличает?! Или позлить меня хочет?! Так ничего у тебя, Феденька, не выйдет!»

Чуть повысив голос, я обратилась к Меланье:

– Ну, чего ты молчишь, как глупая коровушка? Видишь, барин к тебе обращается – ответствуй! Вы раньше встречались?

Она подняла наконец голову, робко взглянула на него и тут же опустила глаза. Федор удивленно произнес:

– Мела-а-а-анья?! Что она тут делает?

Фонтан злости поднялся в моей груди: «А-а-а, так вы еще и знакомы?!»

Я сделала шаг в сторону, с интересом наблюдая за ними. Федька подошел вплотную и поднял голову Меланьи за подбородок. Увидев это, я недовольно задышала чаще, а руки нервно заерзали, теребя платье. Негодование мое набирало обороты, но я не торопилась его изливать и с интересом ждала, что будет дальше. Они стояли и смотрели друг на друга.

– Как же ты сюда попала? Как твой брат? Как его здоровье? Уехал он куда, или по-прежнему проживает в нашей деревне? – засыпал он ее вопросами. – Что, замуж ты так и не вышла?

– Не вышла… Ну что вы, Федор Федорович, не извольте беспокоиться, всё хорошо, – ее противный смиренный голосок выводил меня из равновесия. Я уже совершенно не верила этой наигранной кротости. Их разговор меня жутко раз-

дражал. На первый взгляд, ничего предосудительного в этой беседе не было: они только воспоминали общих знакомых. Но звенящие в душе колокольчики уже сливались в дружный тревожный хор, он гремел в моей голове, и, чтобы остановить его, я громко крикнула:

– Заканчивайте свою милую беседу! У нас есть более важное дело: мы направляемся в покои отца. Твоя землячка будет ходить за папой, не так ли, Меланья? – строго спросила я ее.

– Да-а-а, барышня, – кротко ответила она. – Работы грязной я не боюсь… всё сделаю, как скажете.

…О, Господи! Знала бы я тогда, что это сама грязь пришла в мой дом! А я, не распознав, ее впустила. Ничем не гнушалась она, идя к своей цели. Ну да, чего же грязи замараться бояться…

– Следуй за мной! – скомандовала я. Не помня себя, схватила ее за руку и потащила наверх.

Что это было, я и сама не понимала: никогда ранее я не позволяла себе голой рукой взять за руку служанку. А Федор с таким задумчивым видом смотрел нам вслед, что я даже решила поменять свои планы: «Похоже, Петечка, придется тебе еще немножко меня подождать. Не могу я сегодня оставить без присмотра своего мужа! Что-то не нравится мне в сем вертепе. Я должна во всём разобраться, чтобы развеять сомнения или утвердиться в их правоте».

– Барышня, мне больно, больно, – доносилось из-за спи-

ны.

Я остановилась и удивленно развернулась к ней.

– Больно? Отчего?

– Вы… вы так давите на мою руку, что даже пальцы побелели, я их уже совсем не чувствую.

Я в недоумении посмотрела на наши руки и только сейчас поняла, как сильно сжала кулак. Я тут же брезгливо разомкнула пальцы и раздраженно бросила через плечо:

– Не отставай, шагай за мной быстрее! Не может отец ждать тебя весь день.

– Да-да… – испуганно кивнула она.

Меланья шагала позади, след в след, и я чувствовала ее дыхание. Тогда оно еще не было зловонным и пропитанным ненавистью ко мне…

Отец спал. Я подошла и тихонько тронула его за плечо.

– Папа, папа, проснись!

Но отец даже не шелохнулся. Пребывая в возбуждении, я торопила события и, наклонившись, почти крикнула:

– Па-па!

Он вздрогнул, открыл глаза и без посторонней помощи сел, но силы быстро покинули его: он повалился спиной на подушки и шумно выдохнул, растерянно хлопая глазами:

– Фу! На-таш-ка! Ох-х-х… Фу…

– Пап, ну не волнуйся ты так. Я тебя напугала, извини. Смотри, кого я привела. Эта девушка будет за тобой ухажи-

вать. Она молода и, надеюсь, сможет радовать твой глаз каждый день, когда ты будешь ее видеть. Ведь ты этого хотел?

Отец взглянул исподлобья и, видимо, хотел что-то сказать, но ему удалось произнести только «как»… Он запнулся, и речь его стала непонятной. Меланья подошла ближе и склонилась к его лицу, внимательно слушая, что он бормочет. Я оттолкнула ее.

– Ты всё равно ничего не поймешь!

– Ну зачем вы так грубо, барышня? Я всё понимаю: он спрашивает, как меня зовут. – И, обращаясь к отцу, ласково проворковала. – Здравствуйте, сударь. Я Меланья, приехала издалека, чтобы ухаживать за вами. Позвольте мне стать вашим другом и подставить свое плечо, чтобы вы смогли на него опереться. Я многому обучена и сумею побороть вашу боль и усталость.

Я сложила руки на груди, продолжая наблюдать. Отец смотрел на свою сиделку и слушал ее очень внимательно. Меланья обеими руками взяла его ладонь, и он не воспротивился. Я видела по его глазам, что он почему-то сразу проникся к ней добрым расположением. «Ну ладно, – подумала я. – Если она действительно сможет принести ему пользу, то почему бы и нет? Пусть остается в доме, я выделю ей комнату рядом с покоями отца, но буду пристально наблюдать за ней. Что-то здесь не так. Как-то странно Федор смотрел на нее… И почему это так сильно меня задело? Непонятно… Обычная деревенская девка, не чета мне, так почему она ме-

ня раздражает? С этим я еще разберусь – потом…»

Я поцеловала папу в щеку и поспешила удалиться. Распорядилась, чтобы прислуга приготовила Меланье комнату, показала дом и помогла во всём разобраться.

Глава 217. Неудачная шутка

Я шла по коридору, и мысли мои витали далеко от дома, когда навстречу попалась свекровь. Я намеревалась пройти мимо, но она преградила мне путь.

– Ну что, Наташа, ты отвела ее к отцу? Как прошла первая встреча?

Я непонимающе взглянула на нее:

– Матушка, я тороплюсь, дайте пройти, пожалуйста. Нет у меня времени отвечать на ваши вопросы. Хотите всё узнать? Так ничто не мешает вам подойти к его двери и прислушаться да и узнать, что там происходит.

Фекла недовольно вздернула подбородок и с упреком заявила:

– Экая ты неблагодарная! Вот ведь злющая Наташка! Добро для тебя сделала… и для отца твоего. Почему ты этого не ценишь?

Уже удаляясь, я бросила через плечо:

– А добро ли?..

…Не вслушиваясь в то, что она ответила, я пошла дальше, совершенно не задумываясь над своими последними словами, так легко и быстро слетевшими с губ…

Я намеревалась переодеться и под благовидным предло-

гом – выбрать новые наряды – отправиться в город. В столице стали открывать модные лавки, куда из Европы привозили готовые предметы одежды для модниц, не желающих тратить время (или не имеющих средств) на поездку за нарядом за границу. Правда, товары там стоили безумно дорого, зато тут же трудились белошвейки, готовые подогнать роскошные обновки по фигуре.

В нашей комнате я обнаружила Федора. Он сидел на кровати, уставившись в одну точку, и нервно крутил пальцами пуговицу на сюртуке. Он даже не повернулся в мою сторону, так и сидел в задумчивости, пока я переодевалась. «Что это ты тут восседаешь? Шел бы, куда собирался». Чтобы закончить свой туалет, мне оставалось только позвать служанку затянуть шнуровку на корсете. Просить Федора не хотелось.

Я подошла ближе и слегка толкнула его.

– Федь, ты чего застыл? Опять столбняк? Или деревенские воспоминания нахлынули? Понять не могу, отчего у тебя вид такой печальный? Вспомнил, как коровам хвосты крутил, да и заскучал? Так может, тебе не грустить, а подхватить матушку да девку эту и прямиком в родную деревню отправиться? – юродствовала я, сама не знаю почему. Мне хотелось уколоть его, и как можно больнее.

Он перевел на меня взгляд, задумчиво вздохнул и, дернув меня за руку, усадил рядом.

– Чего ты несешь-то, Наташа? Какие хвосты? Али поговорить больше не об чем, кроме как о моей деревне?

Я усмехнулась:

– Ну как же? Вот вижу я лицо твое печальное, и терзают меня смутные сомнения… Почему это ты так загрустил, как только с этой девкой глазами встретился? Может, ты в ее глазах ту самую печку закопченную увидел да избу покосившуюся? Вот воспоминания и нахлынули… А что если ты на той печке не со мной одной леживал? А ну-ка, Федь, пока я тут с тобой присела, поведай мне о своей односельчанке. Я смотрю, ты об этой Милке гораздо больше осведомлен, чем мать твоя. Уверена, если бы она знала что пикантное, не преминула бы рассказать об том, с удовольствием причмокивая да во всех подробностях. Но почему-то молчит, старая… а ты расскажи.

…Не знала я тогда, что такой умысел был у его матушки – молчать. Но об этом позже…

– Как ты мою мать только что назвала?! – зло спросил он.

– А как? – я на самом деле не помнила, какое слово вырвалось из моего рта.

– Старая, ты сказала?

– Ой! Федь! Ну а что она, молодая, что ли? – воскликнула я. – Старая и есть! Я что вижу, то и говорю, и нечего на правду обижаться. Ну что, расскажешь, или нет?

– Да отстань ты! – в сердцах бросил он, сев ко мне спиной.

– О! Ну как же я теперь отстану? Ну куда же я теперь пойду-то от тебя, от такого красавца. Как же я смогу?

Что сверлило меня изнутри и не давало покоя? Я словно

пыталась ухватить невидимую нить, но никак не могла этого сделать. Мне казалось странным и появление Меланьи, и поведение мужа. Нужно было усыпить его бдительность и вызвать на разговор. Как настоящая кошка, подкралась я к нему сзади на четвереньках, положила руки – мягкие лапки – ему на плечи и замурлыкала:

– Федь, ну если ты так соскучился по своей деревне, так давай вспомним, как мы с тобой провели нашу первую ночь. Знаешь, когда я там проснулась и увидела, что тебя рядом нет, я ведь подумала, что ты меня оставил: получил свое и больше не вернешься. Как же я ругалась тогда на себя… да и на тебя тоже.

Федор передернул плечами, сбрасывая мои руки. Эти слова задели его за живое, но он еще делал вид, что сердится:

– Да ты и сейчас ругаешься, как будто я тебя не люблю и снова от тебя ушел. Словно не пришел до сих пор в ту самую избу и не снял тебя с той самой закопченной печки. Сидишь там доселе и ругаешься на чём свет стоит.

«Смешно…» – легонько хлопнула я его по спине.

– Да нет же, Федь. Ну что ты глупости говоришь! Давай еще что-нибудь вспомним… – тормошила я его, смеясь. В меня словно бес вселился. Я теребила его, чувствуя, как каждое слово отзывается в нём сладкими воспоминаниями:

– Федь, а что, может, нам с тобой вдвоем туда поехать? – Федор вздрогнул и замер. – Хочешь ли ты снова со мной там оказаться? – я соскочила с кровати, встала перед ним и про-

тянула руку. Федор смотрел на меня глазами глупого теленка и не верил своим ушам.

В голове тут же пронеслось: «Дура! Ты дошутишься! Что ж ты его провоцируешь? Ведь он сейчас сгребет тебя в охапку и увезет…»

Видя засветившиеся надеждой Федькины глаза, я постаралась выдернуть руку, но не тут-то было: он крепко держал меня и тянул к себе.

– Наташ, ты правду говоришь? А может, это наш шанс? Там, вдали от всех этих кошмаров, мы вновь испытаем былые чувства… и, быть может, заживем с тобой наконец-то как люди.

В моей голове застучало: «Ну, вот! Допрыгалась, доигралась… Так тебе и надо! На кого теперь ругаться?! На себя! Кто дура? Я дура! У кого мозгов нет?! Значит, самое место мне в той ободранной избе, на той самой печке!» И я, не понимая, что говорю, ляпнула:

– Федь! А поехали туда? Прямо сейчас!

Я не видела у него таких счастливых, светящихся глаз с того самого часа, когда он стоял со мной перед алтарем. Федор подхватил меня на руки и закружил по комнате, задыхаясь от нечаянно свалившегося на него счастья:

– На-та-ша-а-а! Лучшего и большего подарка ты не могла мне сделать! Снова всё будет как тогда…

Наконец он поставил меня на пол и, убегая, выдохнул:

– Ты собирайся, Наташенька, я сейчас…

Федор понесся вниз, оглушая дом своим криком, словно в радостной горячке:

– Собираемся, срочно собираемся в дорогу! Закладывайте самый удобный экипаж! Нет, дочку с собой не берем: мала еще, не выдержит, – он беседовал с кем-то, и с его уст одно за другим слетали приказания.

– Слава тебе, Господи, – прошептала я, – хватило ума хоть дочку в эту дыру не тащить!

– Мила! Изба моя, что на отшибе, стоит еще? Мы с Наташкой сейчас туда поедем, а вы нас тут ждите! И чтобы во всём порядок был! – радостными возгласами сотрясая дом, басил Федор. Потом он выскочил на улицу, и уже оттуда его голос разнесся по всему двору. Из окна я видела, как слуги ошалело смотрят на носящегося по двору Федьку.

– Попоны, попоны для лошадей несите! Быстро! И, обернувшись к выскочившей за ним матери, скомандовал:

– Мама! Подарки для всех соберите, да побыстрее. Вы, матушка, не мешкайте! Э-э-х-х, Милка, – шутливо толкнул он выбежавшую на шум Меланью. – Посторонись, не путайся под ногами! Все прочь!

Народ забегал, засуетился. Я прошептала:

– Боже мой! Чего же я стою? Бежать немедленно, пока он за мной не вернулся!

Я заметалась по комнате. Подскочив к гардеробу, схватила ботиночки и начала их зашнуровывать, но пальцы не слушались. Махнув рукой, я понеслась вниз и чуть не слетела

кубарем с лестницы, наступив на шнурок. Врезалась в одну из служанок так, что она не удержалась на ногах и плюхнулась на пол…

Схватив первую попавшуюся накидку, я выскочила через кухню на задний двор.

– Барышня! Барышня-я-я… Остановитесь! Куда же вы раздетая побежали?! Холодно нынче! Наташа! – доносились до меня крики Аксиньи.

Крадучись, как вор, я намеревалась попасть на конюшни, опасаясь только одного: столкнуться с Федором лицом к лицу. Ностальгические чувства, которые я вызвала своим дурацким предложением, заставили его перебаламутить весь дом. Если он узнает, что я передумала, радость разом обратится в ненависть, и он не раздумывая похоронит меня под дорожной каретой… а для верности еще попоной накроет. «Я не могу сейчас так бесславно умереть – мне жить надо! Потому как ждет меня впереди много удивительного и прекрасного! Как же быть?» И я, согнувшись в три погибели, начала обходить дом. Как вдруг совсем близко раздался громкий голос Федора. От страха я забилась между дровницей и сложенными одна на другую вязанками хвороста. Большим темно-бордовым комом сидела я там, ни жива ни мертва, дрожа от холода и страха быть обнаруженной. Но Федор прошел мимо, ведя под уздцы лошадь. Он не заметил меня! Я с облегчением выдохнула: «Это знак! Это мой шанс! Значит, сегодня я буду свободна! Пусть он едет без меня. Ведь он

обязательно поедет! Если он задался какой-то целью, то обязательно к ней двинется, – так мне казалось. – Ему уже всё едино, буду я рядом или нет. Наверное, он и матушку с собой прихватит… О, это было бы просто замечательно, – мечтательно думала я. – А когда я вернусь, придумаю, как разрубить этот гордиев узел…»

Как только Федька скрылся из глаз, я подхватила юбку и кинулась на конюшню.

– Кеша! Лошадь мне оседлай, да побыстрее! – бросила я конюху.

Тот непонимающе развел руками:

– Так ведь барин экипаж закладывать сказывал… Зачем же вам ишо лошадь?

– Делай, что велю!

И белая кобыла по кличке Бланка, в переводе с испанского – «белая» или «светлая», тут же оказалась подо мною. Я не раздумывая направила лошадь не к главным воротам, а через деревню, где был еще один выезд из поместья.

Оказавшись на узкой проселочной дороге, ведущей через лес к тракту, я поняла, что спасена. Дав Бланке шенкелей, я во весь опор понеслась к заветной цели, совершенно не чувствуя холода. Сильным порывом ветра накидку сорвало, и она, вспорхнув, словно огромная птица, упала на землю. Незашнурованное платье съехало с плеч, но это было уже не важно. Мне казалось, что я, как и в прошлый раз, перед свадьбой, слышу вопли Федора, призывающего меня

вернуться. «Наташа-а-а-а! Нет, только не это! Только не сегодня, не сейчас! Я убью-у-у-у тебя, Наташка…» Его душераздирающий крик вновь и вновь возникал в моей голове сквозь гул бешеной скачки и порывов ветра. Но я ни на секунду не задумалась над тем, чтобы вернуться: была почему-то уверена, что в этот раз убегу от него навсегда!

Подгоняя лошадь, я мчалась что есть духу. Мне казалось, что хлещущий в лицо ветер сотрет из памяти и навсегда вырвет из моей жизни образ Федора, блеск его бешеных глаз, окрашенных красным цветом злобы и гнева.

Глава 218. «Лучшие подруги»

Я неслась вперед всё быстрее и быстрее. Глаза горели, азарт заставлял не думать о последствиях. Наверное, в своем безумии я была похожа на фурию.

Наконец я подъехала к главным городским воротам и только тогда смогла осознать: «Как же я смогу показаться в городе в таком виде?» Обернувшись, я усомнилась в своем сумасбродном решении. Уныло взглянув на дорогу, приведшую меня сюда, я вся съежилась и развернула лошадь в сторону дома…

Я стояла на перепутье, и мне казалось, что я делаю самый важный выбор в своей судьбе. Сначала я повернулась лицом к тому, кому принадлежала пред Богом и людьми, а затем к тому, кого вожделела… Мне хватило двух минут, чтобы понять, как я не хочу возвращаться к Федору! «Ну и пусть меня сочтут за городскую сумасшедшую или примут за падшую женщину, которая только что вырвалась из заведения и с бешеными глазами, простоволосая и расхристанная, несется непонятно куда. Какое дело мне до чужого мнения, когда решается моя судьба?» Я была уверена, что всё самое лучшее ожидает меня впереди, там, за городскими воротами. А в той жизни, что я оставила… в ней больше нет смысла. Я сделала свой выбор! И вновь вспомнила слова Катерины: «Ты должна быть ответственной за свой вы-

бор! И последствия, которые он принесет, станут твоей наградой!» И я въехала в городские ворота за своей наградой!

Бланка шла шагом, но я не чувствовала ни отчаяния, ни страха, ни холода – мне было даже жарко. Я как всегда двигалась вперед в намерении получить свое. Без сожаления оставив всё, что было мною так любимо, я перестала ценить то, к чему стремилась и чего так неистово жаждала ранее.

Я прибавила ходу, пустив лошадь рысью, и в скором времени достигла дверей Настиного салона. Я стучала кулаками так сильно, что, распахнув двери, слуга испуганно уставился на подоспевшую на шум хозяйку.

– Ба-а-а, Наташка, глазам не верю, ты ли это? – Настя оторопело рассматривала меня с ног до головы. – Как странно ты выглядишь… Проходи скорее в мой кабинет да рассказывай, что с тобой приключилось.

Я прошла и отмахнулась от ее вопросов:

– Ах, Настя, оставь… я потом тебе всё расскажу.

Но Настя не унималась:

– Что-то случилось? Он выгнал тебя?!

Она в ужасе прижала ладонь к губам. Я отмахнулась:

– Ну куда он меня выгонит из моего же собственного дома?! Что ты глупости говоришь, – воскликнула я. – Сама убежала.

Настя всплеснула руками и ахнула:

– Так он же прибьет тебя! Дуреха!

– Тебе незачем за меня волноваться, – сказала я раздра-

женно. – Оставь свои страхи! Лучше с платьем помоги, а то я уже устала: оно всё падает и падает…

Настя развернула меня спиной к себе и даже языком прицокнула:

– Удивительно, как оно совсем не свалилось! Кто тебе так шнуровку затягивал? Или ты со всех ног улепетывала из дома, а платье на ходу надевала? – засмеялась Настя.

– Ты почти угадала, моя прозорливая подружка, но об этом позже. Затяни шнурки!

– Посмотрите-ка на нее, – возмутилась Настя, – по какому праву ты мне приказываешь… как девке дворовой?

– Я пошутила, Настенька.

– Шутки у тебя, Наташка, всегда дурные были. Так и быть, помогу. Но! При одном условии: ты мне всё-всё после этого расскажешь.

– Всенепременно, Настенька, подружка моя дорогая, открою тебе свои секреты… – елейно пропела я, про себя ругая ее последними словами.

Настя расцеловала меня в обе щеки и принялась шнуровать платье:

– Наташа, ты и впрямь моя лучшая подруга. Я тебя больше всех люблю…

Я не верила ни одному слову, но покорно выслушивала ее лесть. Мне было не справиться одной с этим треклятым платьем, а ей непременно хотелось выведать, что же со мной произошло, вот и обменивались мы с ней лживыми любез-

ностями.

– Настенька, готово?

– Конечно, Наташа.

Взглянув друг на друга, мы рассмеялись, прекрасно сознавая, что каждая бессовестно лжет.

– Настя, ты же меня ненавидишь, так зачем в лицо улыбаешься? Какая я тебе подруга? Ты ведь меня с детства терпеть не можешь, всегда завидовала.

– Наташа, ты слишком много о себе возомнила. Чему завидовать-то? Носу твоему вздернутому? Или плечам конопатым?

Такого я не ожидала даже от нее. Как можно было сказать такое о моей мраморной коже?!

– Что-о-о?! – заорала я. – Ты только что мне платье поправляла. Хоть одну веснушку ты там видела? Врушка бессовестная!

Я схватила ее за плечи и с силой толкнула на диван. Плюхнувшись, Настя оторопело завопила, видя, что я надвигаюсь на нее.

– Наташка, ты что, как в пансионе мутузить меня будешь? Ну не надо! Ты же знаешь, что я слабее тебя и не смогу дать достойный отпор.

Но я уже не слышала ее и налетела как фурия. Настя, закрываясь руками, верещала:

– Наташа, у меня ведь прическа… Ой, не надо ее портить!

Я колотила ее, приговаривая:

– Ах ты лживая! Ах ты завистливая! Я всё про тебя знаю! Говори, куда ты его спрятала? Где он? Ты специально его от меня скрываешь, своего самородка?! Он мне каждую ночь снится!

Настя с силой оттолкнула меня и заорала:

– Да ты припадочная, что ли?! О ком речь?

Я опять налетела на нее.

– А-а-а, – верещала она, – да слезь ты с меня, дуреха! Отойди! Какие самородки? Какие сны?! Ничего не понимаю!

– Всё-о-о, всё ты понимаешь! – колошматила я ее. – Ты его от меня спрятала!

– Кого-о-о? Окстись! Да отойди ты! – прокричала она уже со слезами. – Что ты руки свои ко мне тянешь? Убери! Ей Богу, выгоню тебя из заведения!

Я отскочила от дивана и, шумно выдохнув, отбросила прядь волос, упавшую на лицо.

– Ха-ха! Силенок не хватит меня отсюда вытолкать! И у крыс твоих облезлых тоже. Пусть только попробуют ко мне прикоснуться… Всех со свету сживу!

– Не плюй мне в лицо! – крикнула Настя. – Отойди, я сказала! – она еще раз оттолкнула меня. – Чего тебе надо? Что ты сюда приперлась, да еще в подружки ко мне набиваешься! Лживая ты, лживая! В пансионе лживая была, такая же и осталась!

– Замолчи! – топнула я ногой и уже спокойно подошла к ней. – Настя, ну хватит, а то прямо как в детстве… Пом-

нишь, как мы с тобой дрались? Я тебе одну косичку выдернула, и ты потом боялась родителям показаться. И две недели в пансионе безвылазно просидела, думала, что она отрастет, но не тут-то было. Пришлось и вторую в уровень подстричь.

Мы засмеялись, вспоминая детство.

– Будто назад, в прошлое попали. И такая приятная nostalgie…

Настя погрозила мне кулаком, давясь от смеха.

– Ух, Наташка! Как огрею тебя сейчас чем-нибудь потяжелее…

Она подошла к зеркалу, поправляя растрепавшиеся волосы.

– Ты не представляешь, как я с детства хотела тебе в лоб дать! – опасливо глядя на меня, сказала Настя.

Я примирительно улыбнулась и двинулась к ней.

– Ну дай! Раз с детства хочешь. Дай! Может, легче станет, – и, слегка наклонившись, подставила ей лоб. Она уже замахнулась, но я резко отскочила и затараторила:

– Насть, подожди… Я тебе лоб свой обязательно подставлю, не изволь беспокоиться. Только ответь мне, пожалуйста, давно он к тебе приходил?

От резкой смены темы она оторопела и, подлетев, заорала мне в самое ухо:

– Да кто же?! Кто?! Дурная твоя голова! Ты можешь хоть имя его назвать? О ком ты говоришь?

Тут пришла моя очередь возмущаться:

– Да что же ты лукавишь? Я у тебя здесь с кем познакомилась?

– А-а-а, – выдохнула она, и злая усмешка перекосила ее лицо.

Обхватив голову руками, Настя плюхнулась на диван и стала раскачиваться из стороны в сторону, как припадочная. Ничего не понимая, я села с ней рядом и, тронув за плечо, спросила:

– Насть, Настя-а-а! Я что-то не то спросила? С ним что-то нехорошее случилось, а ты сказать боишься?..

Настя, не прекращая держаться за голову руками, повернулась ко мне и зловеще сказала:

– Нехорошее случилось? – зловеще зашипела она, отбросив мою руку. – Да, случилось! Мы с тобой в одном пансионе учились! С тех самых пор ты умудряешься всё время вставать на моем пути. Вот и опять приперлась!

«О! – усмехнулась я. – Да ты и впрямь сама на него глаз положила».

Я вновь тронула ее за плечо.

– Рассказывай-ка мне всё, подруга!

Она схватила меня за руки и резко отбросила их от себя.

– Наташка, не трогай меня больше! Никогда! И отсядь подальше, пожалуйста. Я тебе всё расскажу. Давай как две высокородные барышни…

Я не дала ей договорить и прыснула в кулак:

– Это ты, что ли, высокородная? Ха-ха-ха-ха.

Настя обозлилась.

– О! А можно подумать, ты! И прям по метрике благородно записанная. Тебе не стыдно, а?

Я не стала заострять этот вопрос и примирительно сказала:

– Ну ладно, ладно. Давай не будем снова возвращаться в пансион, мы давно его окончили.

Настя вскочила, тыча в меня пальцем:

– А ты! А ты… так его и не окончила! Тебя даже на балу выпускном не было, вот! Потому что ты дура глупая!

– Так ведь и тебя не было, – расхохоталась я. – А не напомнишь мне, за что тебя выгнали? А-а-а, я, кажется, припоминаю… Классная дама узнала о твоей связи с богатым вельможей – и «за порочащее поведение»…

– Замолчи немедленно, благочестивая ты наша! – зло выкрикнула Настя. – Я требую, чтобы ты сию же секунду ушла отсюда! И чтобы никогда больше твоя нога не переступала порог моего салона! Чтобы ты забыла, кто такая Анастасия Вишневская.

Выпалив эти обидные слова, Настя обессиленно откинулась на диванные подушки и едва сдерживалась, чтобы не разреветься.

– Настя… Ну же? Подружка, говори…

Настя насупилась, сидела, надув губы, и тяжело дышала. Я пыталась подступиться к ней то с одной стороны, то с дру-

гой, но она, сложив руки на груди, отворачивалась от меня, не давая посмотреть ей в лицо.

– С детства ты меня, Наташка, обижаешь, в любом споре на лопатки кладешь, – обиженно бормотала она. – Ведешь себя так, будто я всё время тебе что-то должна. Вот что я тебе задолжала? Скажи прямо! Отдам долги, чтобы только ты ушла отсюда.

– Должна, должна, – наклонилась я к ее уху и зашептала: – Ты мне должна про Петю рассказать.

– Вот чумная девка, – отпрянула Настя. – Пошто ты свалилась на мою голову?

Поняв, что я от нее всё равно не отстану, она крикнула в сердцах, указав в сторону салона:

– Да вон он, твой Петя, внутри сидит! Стихи свои читает! А эти дуры рты пораскрывали и с упоением слушают.

От этих слов я чуть не подпрыгнула на месте и напустилась на Настю:

– Ах, так он зде-е-есь?! А ты меня намеренно тут держала? Подлюка! – я подняла руки в устрашающем жесте и склонилась, готовая вцепиться ей в горло. – Ты знала, о ком я спрашиваю, и специально надо мной измывалась?

Настя со злостью выпалила мне в лицо:

– Да на кой ты ему сдалась-то?!

– Это не тебе решать! – отрезала я.

Я, примирительно улыбнувшись, протянула ей руку, помогая встать. Она посмотрела на меня и тоже улыбнулась.

– Наташка, ты совсем не изменилась.

– Насть, ну прости меня. Ну, и за пансионские годы прости, и за то, что обижала тебя, дралась, – я вдруг поняла, что нужно делать, и в этом мне должна была помочь Настя. Я вопросительно взглянула на нее, но она отчего-то в ужасе отшатнулась.

– Чего опять удумала-то? В глаза твои лживые смотрю и ни единому слову не верю. Чего тебе надо? Говори, Ярышева! Признавайся, чего ты опять от меня хочешь?

Я заговорщически прошептала ей на ушко:

– Настя… ты проведи меня в зал так, чтобы он не видел. Посади на самое дальнее место и останься рядом, посмотри, что дальше происходить будет.

Настя, глубоко вздохнув, подошла к зеркалу, поправила платье и уже спокойно ответила:

– Ну пойдем, сумасбродка, пойдем. Видно и в этот раз ты мне дорогу перейдешь…

Я взяла ее руку и шепнула:

– Насть, а я всё равно тебя люблю. Ты – моя подруга. И мы через многое вместе прошли.

– Ох, Наташа, – недоверчиво посмотрела на меня Вишневская, – как же я хочу, чтобы все эти походы навсегда стерлись из моей памяти.

Я ей подмигнула. Понимание того, что я сейчас увижу его, будоражило мое сознание, и мне больше не хотелось ни спорить, ни ссориться с Настей.

Глава 219. Награда…

Думая каждая о своем, мы шагнули в дымный полумрак салона. На маленькой импровизированной сцене за столиком сидел Петр и внимательно изучал разложенные перед ним листки. Присутствующие в зале дамы с замиранием сердца смотрели на него в ожидании новых творений. Это позволило мне пройти в зал незамеченной, и мы с Настей сели в дальнем углу. Юный поэт зажег свечу, и она осветила его лицо.

Первое, на что я обратила внимание: он был гладко выбрит. «Наконец-то ты избавился от этой смешной растительности». Я также отметила, что он возмужал, приобрел некую статность, и лицо его выглядело гораздо старше.

Петр покопался в разложенных листах, встал, поклонился и, выждав паузу, принялся читать совершенно занудное, не отмеченное печатью гениальности стихотворение. Он что-то плел о полях со взошедшей на них пшеницей… Такую ужасную муть, что я даже на время забыла, что передо мной стоит тот, ради которого я на свой страх и риск убежала из дома. Я поднялась с места и, протянув к нему руку, спросила:

– Помилуйте, автор! Сколько же можно мучить высокородных барышень этакой чушью?

Петр, услышав мой голос, замер и не отрываясь смотрел

на меня, а я, как завороженная, – на него.

Петр сошел со сцены и начал медленно обходить столики, а я так и осталась стоять, точно приросла к месту. На нас устремились взоры всех присутствующих, они с интересом ждали, что произойдет дальше. Не дойдя буквально двух метров, он вдруг замер, словно прежде никогда меня не видел.

– Уж не оптический ли это обман? Вас ли я лицезрею, несравненная… – Он осекся, не произнеся моего имени.

Я не смогла вымолвить ни слова. Сев на свое место, попыталась вжаться в кресло так, словно меня тут не было. Повисла многозначительная пауза. Настя, не выдержав, дернула меня за рукав и зашептала:

– Ну чего ты голову-то спрятала как страус? Да и он столбом застыл. Ишь, спектаклю тут устроили. Все эти дуры пялятся на вас, в слух превратившись. Коли пришла, так иди, нечего теперь за меня прятаться.

– Настя, отстань, – бросила я в ответ.

Она резко встала и, обреченно махнув в нашу сторону, вышла из залы.

Я наконец пришла в себя и, подбежав к Петру, схватила его за руку.

– Пойдем отсюда!

Петр, ни слова не говоря, покорно двинулся за мной. Уже у двери, обернувшись, я оглядела присутствующих. Барышни, открыв рот, во все глаза смотрели нам вслед. Не дав им

опомниться, я громко крикнула:

– Ну, чего расселись?! Спектакля окончена, можете расходиться! – дернула Петра за руку и плотно затворила дверь. Я уже знала, где кабинет Насти, и потащила его туда.

Настя сидела на диване и, увидев нас, округлила глаза.

– Настя, ты позволишь? Нам необходимо поговорить…

Она в сердцах вскочила и гаркнула:

– Да разбирайтесь вы тут как хотите! Паразиты, всю душу вымотали!

После этого ее восклицания я поняла, что Петр тоже донимал Настю расспросами обо мне. В ее голосе была и обида, и ревность… Она стремительно вышла, громко хлопнув дверью.

Оставшись вдвоем, мы какое-то время молча смотрели друг на друга, не смея подойти ближе. Наконец я решилась и сделала первый шаг в его сторону.

– Я не напугала тебя? – робко спросила я.

– Нет, – просто ответил Петр. – Скажем так, я несколько удивлен…

Я пристально рассматривала каждую черточку его лица. От него веяло спокойствием. И пусть он ничего не говорил мне, я чувствовала, что в его сердце расцветают такие же сказочные сады, как и в моем…

Прервав мои раздумья, Петр нежно провел рукой по моим волосам.

– Ты такая же взбалмошная, как и прежде, – улыбнулся он.

– Это плохо?

– В этом вся ты, – снова улыбнулся он. – Расскажи мне, что привело тебя сюда вновь? Ты хотела навестить свою подругу?

– Я к тебе пришла, тебя увидеть стремилась. Ты моя награда, – вырвалось у меня.

Он никак не ожидал услышать подобный ответ и искренне удивился:

– Я твоя – что?

– Ты моя награда.

– За что?

Я вздохнула, не зная, как ему это объяснить.

– За беды мои, прошлые и будущие…

– Беды? Награда? Наташа, я ничего не понимаю.

Он держался немного отстраненно, я бы даже сказала, был холоден. Не выдержав, я сама бросилась к нему на шею, покрыла поцелуями его лицо. Я даже встала на цыпочки, пытаясь дотянуться до него с высоты своего небольшого роста. Он робко отвечал мне, но совсем не по-мужски. Мы словно поменялись ролями… Мне так хотелось, чтобы он страстно заключил меня в объятия, а он вел себя как нецелованная красна девица. Я страстно желала его, и меня обижала его отстраненность.

С трудом оторвавшись от него, я спросила:

– Я тебе совсем-совсем не нравлюсь? Не нужна больше? Так ты скажи… я уйду, и ты больше никогда меня не увидишь. Но только не оскорбляй меня, не обижай своей холодностью.

– Разве тебе недостаточно замужества? Разве этот твой поступок не блажь взбалмошной женщины, желающей получить «награду»?

– Ах, это… Ты совсем неправильно меня понял.

– А как тебя понять, Наташа?

– Мое замужество потерпело fiasco. Я вышла за монстра, у меня в доме происходят невероятные, странные, жуткие вещи, – со вздохом выпалила я. – Он населен людьми, от которых на улице я бежала бы прочь без оглядки. Но мне приходится жить с ними бок о бок, и улыбаться им каждое утро, и желать доброго дня. Моя жизнь настолько трудна…

– Трудна… Но разве ты не сама выбрала эту жизнь для себя? Не ты ли дважды меня оттолкнула?

В его глазах я увидела колючие льдинки. Смысл прозвучавших слов был частично скрыт от меня: я не понимала, почему «дважды». Меня задели за живое и его тон, и взгляд, и ответ… Не такого я ожидала.

– Ну что ж, коли я решилась прийти сюда, не испугаюсь и ответить тебе честно и открыто. А потом уйду! Да, ты прав, я сама выбрала свою жизнь. Видно, я была глупа и молода и не предполагала, во что это выльется… Все вокруг твердили, что мое замужество к добру не приведет, но я упрямо

не хотела никого слушать, считала, что моя любовь может творить чудеса… Увы и ах, – этого не произошло. Мое эфемерное счастье, которое я сама себе нарисовала, разбилось вдребезги, и его острые осколки больно ранят мою плоть и душу. Папа безнадежно болен, я теряю его… У меня есть маленькая дочка, которую я очень люблю, но и она не может заполнить пустоту, образовавшуюся вокруг меня. Мне не хватает любви и тепла… – и я тихо добавила: – Мне не хватает тебя… Теперь я всё сказала и могу уйти, потому как навязываться тебе не намерена.

Я решительно направилась к двери, но Петр, схватив за руку, резко притянул меня к себе и впился поцелуем мне в губы. Он сжимал меня в объятиях так сильно и так страстно, что я сразу поняла – я очень ему нужна! Он готов взять меня со всеми моими проблемами, маленькой дочкой и умирающим отцом. Он даже готов вступить в схватку с монстром-мужем и совершенно ничего не боится – так мне в тот момент казалось. И в то же время он целовал меня так, как будто это последний поцелуй, и эта встреча тоже последняя! Он словно хотел запомнить всё-всё: мой запах, вкус губ, цвет и блеск моих глаз… Он ни на секунду не закрыл глаза, он неотрывно смотрел на меня, страстно целуя, и это было странно.

Наконец он крепко прижал меня к груди, сдерживая мой трепет: я дрожала всем телом, как осенний лист на ветру. Я подняла к нему лицо и спросила:

– А почему ты не закрываешь глаза?

Его голос был взволнованным, он смотрел на меня очень нежно, и вместо льдинок в его глазах блестели слёзы.

– Я боюсь, что, как только я их закрою, ты исчезнешь. И не будет больше передо мной твоего лица… Я очень боюсь снова потерять тебя.

– Как же мне хорошо с тобой, на душе так тихо и спокойно. Нет этой сумасшедшей страсти, но сколько добра и тепла, – и я снова упала в его объятия. Нежно прильнув, я отогревалась душой в его руках, гладила его, трепала его шелковистые волосы. А он улыбался и ласково журил меня:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.